

Марго Вереск

Цена забвения

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марго Вереск

Цена забвения

<https://litres.ru/74018956>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она живёт уже много столетий. У неё нет души, зато есть старинный топор, ворчливый домовый и работа — избавлять город от аномалий, способных стереть саму реальность. Вея — ведьма старой школы, привыкшая к одиночеству. Но однажды она обнаруживает, что кто-то подчистил её память, вырезав из неё целые пласты жизни. Воспоминания об учительнице, о доме и о человеке, который, кажется, был ей дороже всех на свете.

Снова и снова она сталкивается с ним — мужчиной с мёртвым, каменным лицом и жёлтыми, совершенно пустыми глазами. И каждый раз забывает его. Единственный способ пробить брешь в этой магии — докопаться до правды, которую Вея когда-то сама умоляла стереть.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	31
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Марго Вереск

Цена забвения

Глава 1.

— ...Таким образом, тридцать первая функция — «обличение» — не просто финальная точка. Это момент, когда волшебная сказка, пройдя через весь набор испытаний, возвращает героя в состояние нового социального и личностного равновесия. Пепел Змея Горыныча развеян над водой, царевна вернула свой настоящий облик, ложный герой наказан¹.

Вея сделала небольшую паузу, перевела дух. Лекцию она читала монотонно, как инструкцию. Бесстрастный анализ структуры, где чудеса и ужасы были разложены по полочкам, как коллекция бабочек. Глаза бегали между рядами погруженной в темноту аудитории, выискивая того, ради кого ее сегодня пригласили.

— Но обратите внимание на интересный парадокс: чем строже следует сказка морфологии, чем точнее выполняет набор функций, тем острее мы ощущаем ту самую «недоста-чу», с которой всё и началось. Исчезновение отца, похище-

¹ В. Я. Пропп «Морфология волшебной сказки»

ние царевны. Эта изначальная трещина в мире никогда не затягивается до конца. Равновесие восстановлено, но оно... — она задумалась, подбирая подходящее слово, — шрамировано.

Вея переключила слайд. Перед аудиторией возникла итоговая схема, идеальный круг с тридцатью одним сегментом.

— Морфология волшебной сказки, в конечном счете, это не история о победе. Это история о залечивании раны. Условном, временном. Сказка знает, что любая «недостача» может повториться. Новый Змей прилетит за новой царевной, и колесо функций провернется снова. Спасибо за внимание.

Нашла. Здоровенная, затаившаяся в темноте пташка. Вея чуть не окосела, вглядываясь в полутьму зала, пока выискивала ее, и тихо бубнила ругательства на организаторов лекции, не давшим ей провести ее при свете. Впрочем, в этом имелись и свои плюсы. В темноте не видно топор.

Она быстро извлекла его из недр своей сумки и спрятала под лапами свободного пиджака. Свет в зале включился, дезориентированные студенты быстро моргали и терли глаза, потихоньку вставая с мест и двигаясь на выход.

Уродливая птица потянулась вместе с ними. Она хмурой тучей нависла над бледной, явно изможденной беременной девушкой, которая даже по ступенькам лекционного зала передвигалась с трудом. Вея, отводя глаза во избежание лишних вопросов, поплелась за ней.

Девушка вошла в кабинку женского туалета. Птица устроилась на перегородке, отбрасывая чернильную тень, поглощающую даже пробивающиеся в окно солнечные лучи, и злобно, маниакально клевала девушку в макушку.

Вея пробормотала заговор, и двум также находившимся в туалете девушкам срочно куда-то понадобилось. Дверь закрылась. Вея уколола палец, мазнула каплей крови по замку. Никто не войдет. Достала из кармана тканевый мешочек, отсыпала в ладонь немного сушеной травы, сдула ее под одну из кабинок. Тишина. Уснула.

Вея прицелилась...

И метким, отточенным движением метнула в птицу топор, прочертив в полутьме серебристую черту. Она целилась в спину, прямо в хребет, но в последний момент алый глаз пернатой нечисти уловил движение. Птица дернулась, пытаясь увернуться, и лезвие впилося в мякоть крыла. Черная туша с вопящим клекотом упала на пол, из раны полилась вязкая вонючая жижа. Лезвие топора зашипело и задымилось, будто раскаленную сталь окунули в ледяную воду.

Вея прижала извивающуюся птицу тяжелой подошвой ботинка. Услышала хруст костей, в нос ударил запах горелой плоти. Кожа ее обуви была перешита конопляными нитками, как раз на такой случай. Она дернула на себя топор, и тот с чавкающими звуками вырвался из-под крыла. Птица взметнулась, здоровое крыло хлестнуло Вею по груди, отбрасывая к стене. Воздух вырвался из легких с хрипом, в глазах помут-

нело. Но она уже катилась в сторону, уворачиваясь от клюва, который с глухим стуком вонзился в кафель там, где только что была ее голова, оставив после себя звезду трещин.

Она вскочила на ноги, увернулась от очередного клевка и, используя инерцию, раскрутила топор за древко. Теперь в ее руке блеснула вторая смерть — заточенное осиновое острие. Она сделала обманное движение топором, птица рванулась в сторону, подставив бок, и в этот миг Вея, изменив траекторию, вонзила кол меж ребер твари. Звук был таким, будто рвали бархат. Глухо, влажно, и навсегда.

«Лишаю, лишаю, я тэбэ з прахом змишаю»

Птица замерла, ее тело затряслось в немой судороге. Из клюва хлынула черная пена. Вея, не выпуская древка, прижала тварь к полу и, глядя в ее безумные, полные ненависти глаза, начала нашептывать заклятье.

«Земля тэбэ маты, до неи повертаю.

Час тоби вже засыхаты,

Час тоби вже пропадаты.»

С каждым словом тело птицы начинало терять форму. Перья превращались в клубящийся дым, кости — в труху. Она билась в ее руках, пыталась клюнуть в последний раз, но была уже не страшной тварью, а лишь сгустком отчаяния и злобы.

«...Пух—земля — одна семья».

С последним словом то, что осталось от птицы, — черное, липкое пятно — с шипением стало втягиваться в холодный

кафель. И в тот миг, когда последняя капля тьмы исчезла, Вею обдало чужими злыми, больными воспоминаниями.

Навий. Заложный покойник. Полгода назад этот мужчина работал здесь преподавателем, вел риторику. Закрутил роман с молоденькой студенточкой, та от него забеременела, что очень не понравилось ее папе-прокурору. Угрозы, шантаж, требование жениться, возможность лишиться преподавательской лицензии с легкой руки несостоявшегося зятя — и немолодой отец наложил на себя руки. Перед смертью почему-то обиду таил именно на девушку, винил ее во всех своих неудачах, вот и прицепился к ней посмертно, потихоньку выклеывая жизнь как из нее, так и из еще не родившегося малыша

Благо зять суеверный попался.

Вея спрятала топорик обратно под пиджак, в специально пришитый внутренний кармашек, и, убедившись напоследок, что с девушкой все хорошо и она скоро проснется, вышла из женского туалета.

Набрала номер заказчика.

— Да, Алексей Викторович. Все прошло хорошо, Дарье больше ничего не угрожает. Да, реквизиты те же. Хорошо, спасибо, вам того же.

На выходе из университета девушка поморщилась, прикрыв ладонью глаза — яркое полуденное солнце больно по ним било. Обернулась на здание, отворачиваясь от яростного ярила, и на секунду замерла. В этом огромном здании ки-

пела жизнь и молодость, бурлила, текла, как могучая полноводная река. Но это течение всегда обтекало Вею стороной, врезааясь в нее, как в камень.

Это была ее собственная, тридцать вторая функция. Та, которой не было у Проппа. Функция сбоя.

Сапоги Вей тяжело и бесконечно устало обрушивались на асфальт, пока не остановились у машины. Она села, завела мотор. Привычная дорога к дому так же привычно колебалась, извивалась и бледнела, просвечивая сквозь себя совсем другие пейзажи, и приходилось щуриться, чтобы сосредоточиться на новой автостраде среди ухабистого старого тракта. Девушка не знала, было ли это видение плодом ее собственного старого воспаленного сознания, или реальность действительно искажалась. Но другие люди проблем с вождением не испытывали, а значит, и ей не стоит на этом заикливаться.

Она проехала мимо комиссионного ларька, кинув на него взгляд, и плотнее сжала руль. Перед ларьком, то уплотняясь, то растворяясь, стоял мальчик. Лет девять, босой, в грязной длинной рубахе. Он держал в руках веревку, другой конец которой был обмотан вокруг его собственной шеи. Мальчик проводил Вею пустыми белками глаз, исчезая в зеркале заднего вида.

Машина с визгом поруганных шин остановилась у ворот частного дома. Вея толкнула их плечом, вваливаясь внутрь двора, и только там смогла спокойно, глубоко вздохнуть,

прислонившись к железному заслону. Никто не сможет навредить ведьме на ее территории.

Успокоив дыхание, вошла в дом. Она жила в нем уже десять лет, старательно отводя глаза соседям, чтобы жители частного сектора не задавались вопросом, почему хозяйка дома номер восемь не стареет. Гостей тоже принимала крайне редко, и никого, кто был несведущ в ее работе. Вея — приверженца «старой школы», и убранство ее дома слишком хорошо вписывалось в понятие «ведьмина избушка», только с вездесущим налетом современности.

Первое, что видел пришедший гость — массивную дубовую дверь с двумя замками: один, щеколдный, отлитый еще при царе-батюшке, и второй — современный кодовый, с тихим синим свечением. На двери висел венок из зверобоя и чертополоха, перевитый красной нитью, а на дубовой вешалке рядом с потертым плащом болталась ключница в виде фигурки домового, держащего в лапах брелок от подержанной японской иномарки. Феня был от нее в восторге.

В кухне-горнице, тоже увитой пучками трав, старая расписная печь соседствовала с современным кухонным гарнитуром и всякой бытовой техникой. Только ящики и полочки, помимо специй и круп, также хранили скляночки с настоями, мешочки с миксом трав, ступку и много чего еще. На большом дубовом столе, исчирканного ножом и чернильными кляксами, лежал планшет, в котором она отслеживала заказы. Веря давно не бралась за выполнение каких-то

поручений, для этого в городе предостаточно умелых людей, но иногда возникали разные щепетильные ситуации, за решение которых предлагали хорошенькую сумму.

В гостиной — старинные сундуки и скрипучие поставцы, набитые свитками, фолиантами, гербарием, и прочими скарбами. Марта как-то пошутила, что в этих сундуках Вея хранит приданное. Вея не посмеялась.

Среди хаоса на письменном столе, сделанном из отполированной плахи, стоял мощный ноутбук с двумя мониторами. На одном мог быть открыт оцифрованный старославянский манускрипт, на другом — мессенджер с чатом «Ведьмы мегаполиса». На полках среди сушеных воронок и мешочков с костями лежали power bank`и и зарядные устройства.

В мастерской, куда она не пускала категорически никого, на стальном верстаке, под которым были аккуратно сложены дрова, лежали ее инструменты: набор старинных ножей для резьбы по оберегам, тиски и наждак с электроприводом. На стене висел щит из липы, а рядом — огнетушитель и аптечка. На полках баночки с гвоздями и шурупами соседствовали с черепками животных.

Вея неряшливо скинула ботинки, прошла на кухню. Чайник на плите стоял больше для красоты — вода вскипела за мгновение, стоило ей посмотреть на него. Она залила кипятком собственный специальный травяной сбор. Формально успокоительный, по факту больше напоминающий транквилизатор. Села за стол, грея вечно холодные ладони о го-

рячую кружку. В голове каруселью крутились воспоминания сегодняшнего дня. Ничего особенного в них по сути не было. Кроме бесконечной череды точно таких же.

У Вереи не было души. Она это точно знала, иначе бы не прожила так долго. Но почему-то иногда, в совершенно случайный момент, что-то внутри начинало так сильно ныть и болеть, что хотелось голыми руками вспороть ребра и выдернуть то, чего нет. Но не поможет. Она пыталась.

Привычным движением Вея обхватила себя горячей ладонью за горло. Не сдавливая, а чуть впиваясь ногтями в кожу, растирая ее. Это был бессознательный, старательно искореняемый ей жест, помогающий отвлечься от назойливых мыслей. Когда живешь слишком долго, голова перестает усваивать информацию, дабы не перегружать сознание. Но Вея помнила все. Каждый год, каждого человека, каждое временное пристанище. И ей казалось, что она сходит от этого с ума.

Дубовый кухонный стол завибрировал, в темноте опущенных жалюзей вспыхнул экран телефона. Вея вздрогнула и провела по экрану, принимая вызов.

—Вея, привет! Мы вечером с девочками в лес собираемся, перед Покровом лешего задобрить. Ты с нами?

Вея взглянула на часы.

—Да, давай, — ответила она, — Как раз успею хлеб испечь.

Марта — одна из молодых ведьмочек этого города. Она получила дар совсем недавно, от умирающей бабушки, а по-

тому просто-таки пылала энтузиазмом и, как казалось Вее, некоторым фанатизмом к своей новой жизни. Но Вея не ви-нила ее. Иногда энергичность Марты очень к месту напоми-нали самой Вее, что она все еще жива. Как, например, сей-час.

Вея неспешно встала, замесила тесто, а пока оно поднималось, налила в стеклянную бутылку собственноручно сделанное прошлым летом вино. Огляделась, нахмурилась, вспо-миная.

—Феня, а где мешки с кормом, которые я привезла на прошлой неделе?

—Так в подвале, где ж еще, — из угла вылез маленький лохматый дедушка с большими горящими глазами, — Ты ж приехала, побросала все в горнице, да спать уволилась. А я, значица, ходи да спотыкайся. Благодарствую, хозяйюшка, — дедушка отвесил низкий издевательский поклон.

Вея виновато поморщилась.

—Не серчай, Феня. Я пока их из машины дотащила, ду-мала, сердце выплуну. Достань, пожалуйста, я к Вычу поеду.

—О, это ты добре придумала, — домовый потер руки, — Я мигом, передашь ему кой-чего.

Он исчез на некоторое время, за которое Вея успела по-ставить тесто в печь, а вернулся уже с двумя мешками кор-ма, держа их так, будто те ничего не весили, и бутылочкой с мутной жидкостью.

—Вот, настоечка, сам делал, — он любовно погладил бу-

тылочку, — Натур—продукт!

—Так я же ему вино везу, — бултыхнула она бутылку.

—Ой ты! Твое вино ему — как молоко матери! А это бодрит, с ним зиму легче пережить.

Вея пожала плечами, забрала склянку, и заметила мимоходом:

—А мне не предлагал.

—Ты сопьёш-си! — последовал незамедлительный ответ.

Возразить Вее было нечем. В последнее время она действительно пристрастилась.

Через пол часа хлеб был готов. Она ухватом достала его из печи, завернула в вышитый рушник. Надела теплые вещи, из категории «не жалко», накинула телогрейку, и с помощью Фени загрузила все в машину.

Дорога в лес была не из приятных. Осенняя слякоть разбила грунтовку в жирную кашу, и даже полный привод ее старенькой японки буксовал на особенно коварных участках. Но дело было не только в дороге. Чем глубже Вея уезжала от города, тем сильнее сжималось непонятное напряжение в воздухе. Не магия, не угроза — скорее, тихая паника, будто сама земля затаила дыхание в ожидании чего-то неотвратимого. Птиц не было слышно, и это красноречивее любых слов.

Марта и две ее подруги — юные, яркие, в современных мембранных куртках поверх шерстяных платков — уже ждали ее на опушке. Рядом с ними, почтительно поодаль, сто-

ял сам Выча. Леший выглядел, как и подобает хозяину леса: одежда из коры и мха, глаза — как два уголька, а в руке — суковатая клюка. Увидев Вею, он выпрямился и тронул пальцами лба — старый жест уважения.

— Верея-сестрица, — проговорил он голосом, похожим на скрип столетних сосен. — Добрэ, шо пожаловала.

— Вея! — обрадовалась Марта. — А мы уж думали, ты по уши в грязи увязла!

— Не без того, — фыркнула Вея, вылезая из машины. — Феня передал, — она протянула лешему бутылочку с мутной жидкостью, — А это от меня, — и отдала вино.

Тот принял дар, бережно прижал к груди.

— Ще тот хрыч, а настойку зело искусну варит. А от вина твое спишь, как у бога за пазухой. Благодарствую, сестрица. Зима ныне чуется лихая, в костях ломота.

Работа закипела. Девушки, под чутким руководством Вычи, принялись «уговаривать» зверье — рассовывали по дуплам и норам орехи и сушеные ягоды, шептали успокоительные заговоры, помогали белкам и ежам утеплять последние пристанища. Вея наблюдала за этим с привычной, чуть отстраненной нежностью. Суета. Милая, но суета.

В последние пару лет Вычу требовалась помощь в простой, казалось бы, и привычной задаче. Еще в прошлом году он жаловался, что зверье совсем безмозглое стало: про собственные норы забывает, схрон с ягодами теряет, на уговоры и угрозы не реагирует, будто не понимая, чего от них хотят.

Когда дары были розданы, а последняя сонная мышка уплыла в свою норку, Марта с подругами, довольные, помахали на прощание и отправились греться в кафе на трассе. Вея осталась наедине с лешим.

Выча облокотился на клюку, и его лицо, обычно хитроватое, стало серьезным, даже каким-то скорбным. Он молча указал клюкой вглубь чащи.

— Ну шо, господарка, — проговорил он. — Потолкуем по-старчески? Не до веселий мне ноне.

— Говори, — Вея прислонилась к стволу, скрестив руки на груди. — У тебя вид, будто тебя самого по осени метлой прогнали.

— Так воно и е, — леший мотнул головой в сторону чащи. — Неспокойно у меня. Не по сезону, не по правилам.

— В чем дело?

— Да во всем! — он развел руками, и с его мохнатых рукавов посыпался иней. — С прошлого круговорота только хуже стало. Птицы перелетные сбились с пути, вторую неделю кружат, будто слепые. Звери в спячку ложатся, да вскакивают посреди ночи — чувят что-то, чего я постичь не могу. А уж про деревья и говорить нечего.

Он повернулся и ткнул клюкой в могучий дуб на опушке. Вея присмотрелась. Кора на нем местами темнела, будто подгнивала изнутри, а листья, еще не успевшие облететь, висели скрученные, бурые.

— Гниль? — уточнила она.

— Не гниль, — отмахнулся леший. — Тишина. Они... пу-
стеют. Слушаю я их, а в ответ молчание. Будто сок по жилам
не бежит, а песок сыплется.

Он подошел ближе, и от него запахло мокрой землей и
прелыми листьями.

— И это ще не все. Тени в лесу стали... густыми. Насту-
паешь — не проваливаешься, а будто в студень вязнешь. И
шепот оттуда идет. Не моей мовой. Холодный.

Сильный, древний дух леса был напуган.

Он посмотрел на Вею, и в его взгляде читалась отчаянная
надежда.

— Ты, сестрица, сильна. Мудрая. Старше нас всех. Скажи,
шо творится? Не гоже лес в беде оставлять, да только страху
иногда так наводит, шо хоть в нору ховайся.

В его словах не было лести, лишь констатация факта и от-
чаянная вера в то, что она знает ответ. Вот только Вея не зна-
ла. Сколько ни искала, сколько сама с деревьями да лесным
народом не разговаривала — ответ так и не нашла. И хуже
всего было то, что подобные инциденты встречались отнюдь
не только в пределах Вычиного леса, нет, весь город будто
потихоньку сходил с ума.

— Не ведаю я, Выча, — честно призналась Вея, и это при-
знание далось ей нелегко. — Ищу сама.

Леший тяжело вздохнул, с бороды осыпался иней.

— Так шукай швидше, подарка. Ибо если так продлит-
ся... к весне лес мой станет грудой дерева, без памяти да без

голоса.

Он сделал шаг назад, в тень, и его фигура начала расплываться.

— И бач, сестрица... оберегайся. Мир с оси соскакивает.

И с этими словами он растворился между стволами, оставив Вею одну на промозглой опушке. Она постояла немного, невидящим взглядом сверля большой дуб, а потом встряхнулась.

— Нагнал страха, — буркнула она и побрела к машине. Старый леший понятия не имел, насколько прав.

Последние десять лет реальность трещала по швам, нарушая все законы физики и колдовства, рвалась, как дешевая материя. То, что происходит в лесу — цветочки по сравнению с аномалиями, способными изменить саму реальность, отринуть ее, пережевать и выплюнуть. Что там сбившиеся с пути птицы, когда весь город мигает и искажается, как телепередача на старом экране, привычные дороги ведут не туда, куда вели раньше, открывшиеся двери показывают нутро чужого дома, а люди, живущие вместе много лет, в один день перестают друг друга узнавать?

Вея приехала домой и рухнула на кровать. Голова просто раскалывалась, в виски будто ввинчивались стальные спицы. Она ворочалась с бока на бок, пытаясь успокоиться и не нервничать, но никакие доводы собственного разума не помогали.

Феня какое-то время молча наблюдал за ее метаниями, а

потом она услышала ворчание и шарканье старых тапочек. Нудный голос сначала раздражал, но, понимая, что заставить его замолчать она не сможет, Вея прислушалась.

— Уж как сон ходил по лавке, Дрема по полу брела, — скрежетал Феня где-то в углу, — Дрема по полу брела, в кроватку к детке забрела. К ней в кроватку забрела, на подушечку легла. На подушечку легла, детку ручкой обняла.

Вея улыбнулась. Этот старый дед, на несколько веков младше нее, пел ей детскую колыбельную. Сон накатиł сразу, густой и неотвратимый, как смола.

Видимо, Дрема Феню не услышала. Вее снился сон. Самый ненавистный и непонятный, преследующий ее последние десять лет.

Все всегда началось с солнца. Оно было жирным и желтым, разливаясь по деревянным срубам, заливая светом грядь улиц. Село гудело, как улей: женщины у колодцев, сбившиеся в позвякивающие стайки, мужики с телегами, от которых пахло дегтем и потом, ребятня, с визгом носящаяся меж кур. Дым из печей стлался по ветру, пахнувший свежим хлебом и щами. Смех. Крики. Жизнь.

А потом солнце погасло.

Не зашло за тучи. Не померкло. Его будто кто-то задушил, одним движением. Свет сменился молочным и непроглядным мраком. Он хлынул с окраин, с леса, что всегда сторожем стоял на пригорке, и накрыл село за один миг.

Тишина, что пришла на смену гулу, была оглушительнее

любого грома.

Вея стояла на том же месте, но мир вокруг изменился. Сквозь струящийся туман, холодный и влажный, как саван, проступали очертания домов. Но они были другие. Дерево почернело, сгнило, крыши провалились внутрь. Окна зияли пустотой, словно вырванные глаза. Ни дыма, ни запаха еды — только смрад сырости, гнили и чего-то медного, неуловимо знакомого и ужасного.

Люди... Они висели повсюду. На кривых ветках яблонь, что еще утром были усыпаны цветом. На воротах своих же домов. На центральном столбе, где только что торговали скорморохи.

Все.

Мужчина. Его багровое, распухшее лицо исказила немая гримаса укора. Молодая женщина, что несла воду, — ее косы бессильно свисали вниз, а ведра лежали опрокинутыми у ее босых ног. Дети... мальчишка качался на низкой жерди, его глаза, широко раскрытые, смотрели прямо на Вею, застеклевшие от вечного ужаса.

Глаза *всех* жителей деревни, выпученные и белые, смотрели на нее.

Вея отвернулась, и вдалеке, поодаль ото всех остальных домов, увидела свой. На резной балке призывно раскачивалась связанная в узел веревка. Вея делает шаг навстречу, не в силах оторвать от нее взгляд, всей душой, всем своим естеством стремясь к ней, но поперек талии ее обхватывают чьи-

то руки, не давая двигаться. Она не видит его лица, но узнает. Пальцы, запах, прижатая к ее спине грудь. И она обмякла в его руках, повисла сломанной куклой. Вея не признает его право распоряжаться ее жизнью, препятствовать ее выбору, но сил двигаться просто нет.

Вея распахивает глаза и заходиться в кашле. Трет горло, чувствуя на коже лунки собственных ногтей.

На часах четыре утра. Даже солнце еще не проснулось.

Вея встала с кровати, закуталась в теплый махровый халат, прошла на кухню. Подсвеченная синими лампочками закипающего чайника, смотрела в окно на свой погруженный в темноту сад. Следы с шеи исчезли достаточно быстро, и ничего больше не напоминало про ночной кошмар, кроме мелко подрагивающих пальцев.

Вздохнув, Вея отпила последний глоток кофе, покрутила кружку и всмотрелась в оставшуюся гущу. Ничего хорошего гуща ей не сказала. А так хотелось.

Внутри навязчиво скреблось странное, тревожное предчувствие, заставляющее нервно вздрагивать на резкие звуки с улицы, неумемно дергать ногой под столом и озираться в поисках опасности, которая совершенно точно должна была проявить себя вот прямо сейчас. Но ничего не происходило, спальный район только-только начинал шевелиться, и плевать ему было на одну конкретную нервную ведьму. Вея пыталась успокоиться, глубоко дышать и думать о хорошем, но подскокивший в крови адреналин требовал действий.

Она поставила кружку в раковину. Подмела старым венником полы, с грустью глядя на новенький робот-пылесос. Зажгла пучок, в котором смешались полынь, зверобой и чабрец, окурила каждый уголок дома. Фене это не понравилось. Намешала в ступке соль и вычищенный из печки уголь, посыпала порог, проверила иглы в косяках.

Сегодня хотелось соблюсти все условности и обвешаться всеми имеющимися амулетами, как ворона.

Вея вошла в мастерскую. Взглянула на электропривод, и взяла с полки точильный камень, нож и свечу. Обдала лезвие огнем из горелки, раскаляя.

«Сварожеч—кузнец, небесный отец, раздуй горн, разожги угли, в пламени праведном скверну сожги.»

Окунула раскаленное лезвие в чан.

«Боги мои, Перун—Свароги мои. Защитите дочь, прогоните тьму.»

Достала нож, начала четкими, методичными движениями водить по камню.

«Моя воля — ваша воля. Мое слово — ваше слово. Мой огонь — ваш огонь. Да будет так.»

Лобзиком вырезала защитные знаки. Покрутила нож в руках, привыкая к весу. Провела кончиком по краю стола — на дереве осталась черная выжженная полоса. Порылась в ящиках, нашла кожаные ножны, крепящиеся к поясу.

—Как к войне готовлюсь, — задумчиво пробормотала Вея.

В этот момент зазвонил телефон. Полседьмого утра, не подписанный, но знакомый номер. Вея взяла трубку.

—Верея, это полковник Стрельцов, — послышался мужской голос, — В районе химзавода обнаружена аномалия класса «Тишь», движущаяся. Требуется ваша помощь.

Вея вздохнула и сжала только что заговоренный нож.

—Скиньте данные на почту, буду в течение получаса.

Она сбросила вызов, прицепила ножны к джинсам из плотной ткани, надела вышитую оберегами рубашку, куртку накидывала на ходу. Из сейфа, замаскированного под старую кладовую, достала не амулеты, а практичный тактический фонарь и пачку черной, липкой от времени соли.

Феня, наблюдавший за сборами из-за печки, мрачно хмыкнул.

— Опять на подмогу государевым людям? Льстят тебе, панночка, больно.

— Не льстят, а платят, — отрезала Вея, проверяя заряд фонаря, — Неприкосновенностью. И это дороже любой их бумажной купюры.

— Тьфу! Неприкосновенность... Лучше бы мешок картошки оплатили, пользы больше, — проворчал домовый, но исчез, чтобы вернуться с её старой кожаной перчаткой, на ладони которой была выжжен огненный знак.

Вея кивком поблагодарила, натянула перчатку. Неприкосновенность... Она усмехнулась. Отчасти Феня был прав — для самой Веи мешок картошки был бы полезнее в каком-то

смысле. Но если сильным мира сего хочется думать, что они не трогают ее только потому, что у них заключен договор... что ж, пусть. Она же не дура, чтобы самолично наживать себе врагов, задевая их самолюбие.

Отдел «К.» — часть очень старого негласного договора. Когда десять лет назад в колдовском сообществе начали расползаться слухи, что в этом городе происходит что-то странное, Вея, как бы ей этого не хотелось, не смогла просто пройти мимо. Допустим, странное поведение нечисти или изменение климатических условий она еще могла как-то оправдать, но так называемые “аномалии”, являющие собой просто разрыв реальности и изменение привычных порядков и законов, игнорировать было сложнее. Когда живешь долго, начинаешь скучать. Дни протекают однообразно, остается все меньше вещей, которые могли бы удивить или хотя бы заинтересовать, поэтому соблазн был велик.

Она столкнулась с ней сразу по приезде в город, прямо на вокзале, который должен был выглядеть как типичный вокзал 21го века. Но вместо него Вея видела три разные версии одновременно.

На левой периферии зрения станция была выстроена из красного кирпича, с высокими арочными окнами, закопченными дымом паровозов. Впереди — привычный бетонный бункер с неоновыми табло и эскалаторами. А справа здание и вовсе представляло собой грудку ржавых металлических конструкций, словно недостроенный ангар, затянутый колючей

провоолокой.

И самое странное: люди. Они двигались сквозь эти наложенные друг на друга реальности, сами постоянно меняясь. Бизнесмен в костюме, сделав три шага, на мгновение становился солдатом в шинели, а затем — техно-бродягой с кибернетическим имплантом на виске. Старушка с сумкой-тележкой то и дело превращалась в девушку с портфелем, а та — в измождённую женщину в платке, несущую узел.

Сначала Вее показалось, что у нее наконец-то окончательно поехала крыша. Когда-нибудь это должно было случиться. Она ходила туда-сюда сквозь невидимые границы, ловила на себе заинтересованные и осуждающие взгляды, но ее внешность не менялась. Что в предполагаемом прошлом, что в кибер-фэнтезийном будущем ее одежда и чемодан оставались точно такими же, с какими она приехала.

И не только она. Спустя пару минут Вея заметила несколько человек, на которых также не действовал новый иррациональный порядок: группа мужчин сновала на трех версиях вокзала, не меняясь внешне. Кто-то пытался расспросить прохожих, кто-то измерял какие-то данные при помощи странных аппаратов, несколько женщин, в которых она сразу узнала ведьм, хором читали заговоры и окуривали пространство. Но ничего не помогало.

Ей пришлось изрядно повозиться, чтобы помочь тогда еще не знакомым людям вернуть помещению его привычный вид. Это была ее первая аномалия, а значит нет ни представ-

ления о том, с чем имеет дело, ни выстроенных паттернов работы, ни подручных материалов. Тогда нужно было найти что-то стабильное, хоть что-то, одинаково характерное для всех граней реальности. Сквозь гул толпы, запах кофе, бензина и угольной пыли она услышала глухой, ритмичный стук. Это были... водопроводные трубы. Где-то глубоко под полом, вне зависимости от эпохи, по ним текла вода. Они были общими для всех трёх наложенных реальностей.

Вея пробилась к колонне, мигающей, как неисправная лампочка, и острым концом заколки нацарапала на ней круг с тремя пересекающимися линиями внутри. Ни в одном учебнике такого знака не было — чистый экспромт. Дальше нужен был какой-то закрепитель. Из своего чемодана Вея вытащила флакон — настойка из мандрагоры, полыни и голубики, заговоренный на порядок и спокойствие, вылила на знак. Нужно было притянуть... как-то скрепить все пласты реальности в один. Взяв за основу те самые трубы, закрепив их образ в сознании, она начала медленно натягивать их на колонну, будто натягивает холст на раму. Один на один, медленно, слыша, как трещит порванными нитями пространство вокруг. Но этого было мало. Нужен был «клей». Вея, стиснув зубы, провела той же заколкой по ладони, глубоко разрезая кожу. Её кровь, кровь древней сущности, для которой эти временные аномалии были лишь рябью на воде, стала катализатором. Она втерла её в символ на колонне, приказывая: «Замри. Будь одним. Здесь и сейчас». И все стихло.

И тогда ее заметили те самые, не менявшиеся люди. Так родился Договор. Отдел «К» — «Контроля» сделал ей деловое предложение, в котором сквозил хорошо скрытый страх. Они, что столкнулись с чем-то, чего не понимают, а значит — не могут контролировать. А что нельзя контролировать, то проще... легализовать. Приручить. Назначить ответственного. Он брал на себя обязанность скрывать её деятельность от любопытных глаз и предоставлять оперативную информацию, подчищать и не лезть. Взамен Вея становилась их козырем в рукаве на случай, когда все остальные методы оказывались бессильны. Её не вызывали на каждую пропавшую корову или испорченный урожай. Её номер был последней инстанцией, когда речь шла об угрозах, способных изменить саму карту города или выкосить его население.

Вея прибыла на место в точно указанный срок. У проходной заброшенного химкомбината её уже ждал строгий мужчина в штатском, с лицом, выточенным из гранита служебных инструкций и лишений. Рядом — молодой капитан, не умеющий скрывать любопытство в глазах.

— Веря, — кивнул Стрельцов, отдавая ей пропуск. — Обстановка не меняется. «Тишь» держит радиус.

— Пошли, — коротко бросила она, окидывая территорию взглядом. Её пальцы непроизвольно сжали рукоять ножа под курткой.

Молодой офицер робко протянул планшет.

— Тут тепловизор, карта зоны...

— Не надо, — она даже не взглянула на экран. — Мои приборы надёжнее.

Она закрыла глаза, Воздух здесь был густым и мёртвым, словно в гигантском склепе. Птиц не было слышно, и даже ветер, пробивавшийся сквозь дыры в заборе, не шелестел листьями — он просто дул, беззвучно и беспричинно.

— Здесь, — она ткнула пальцем в сторону главного корпуса. — Эпицентр смещается к старой котельной.

Стрельцов что-то сказал в рацию, отдавая распоряжения по усилению периметра, а Вея уже шла вперёд. Её шаги были бесшумны, а взгляд прикован к тёмному проёму в стене, за которым начиналась та самая «Тишь», грозящая поглотить всё на своём пути.

Она вошла в здание, и звук шагов за спиной стих, словно дверь в мир захлопнулась. Здесь царила не просто тишина — это был вакуум, высасывающий саму возможность звука. Воздух был тяжелым и холодным, пахнувшим остывшим металлом и пылью, простоявшей не годы, а века.

Стены котельной покрывал иней, серый и зернистый, словно пепел. Он хрустел под ногами, и этот хруст был единственным звуком, плоским и безэмоциональным, как сигнал метронома в пустой комнате. Вея провела рукой в перчатке по стене — иней не таял. Он был статичным, застывшим явлением.

Она шла по коридору, и ее внутренний компас, тот самый, что вел ее сквозь века, здесь беспомощно вращался. Это ме-

сто было слепым пятном в теле мира. Ее взгляд скользнул по свисающим с потолка трубам — они изгибались под невозможными углами, словно их вылепили из пластилина, а не выковали из металла. Окна, закопченные грязью, пропускали тусклый свет, но он не освещал, а лишь подчеркивал неестественную серость пространства.

И тут она их увидела. Пострадавшие. Двое рабочих в застывших позах, словно их застали врасплох. Они не были мертвы, но их глаза были открыты и пусты, как полированные камни. Из чуть приоткрытых ртов не доносилось ни звука, ни дыхания. Они были просто... выключены.

Вея поднесла руку к лицу одного из них, не касаясь кожи. От него не исходило ни тепла, ни холода. Ничего. И в этот миг что-то внутри нее дернулось в сторону тревожным импульсом.

Она подняла взгляд и увидела его.

В дальнем конце цеха, у основания массивного котла, стоял мужчина. Высокий, в длинном темном пальто, он был повернут к ней спиной. Его фигура казалась неестественно неподвижной, но не застывшей, а собранной, как пружина. От него исходила та же ледяная пустота, что и от этого места, но сгущенная, кристаллизованная.

Он медленно обернулся. Вея прищурилась. Ей будто отводили глаза — сколько ни приглядывалась, она никак не могла понять его внешность. Та будто рябила, как и все это место, лицо вроде и было, но будто и нет. Пройди он мимо

нее в толпе, она бы и не заметила, не вспомнила бы, не смогла опознать. Единственное, что хоть как-то считывалось — глаза: желтые, звериные, но совершенно мертвые.

— Ты, — произнесла она, и ее голос, тихий, но отчетливый, был первым живым звуком в этой гробнице за долгие часы. Она выхватила нож, крепко сжала в руке. Мужчина лишь равнодушно проводил его глазами.

— Верея, это свой, — ее руку сжали пальцы Стрельцова, — Такой же независимый эксперт.

— Уж ли такой же? — язвительно спросила она.

— Абсолютно.

А это уже было странно. Вея вырвала руку из мужской хватки. В груди пылало, будто отвечая на ледяное безмолвие, исходившее от незнакомца. Он стоял, все так же неподвижно, и в его пустом взгляде не отражалось ничего, кроме беспросветной, вековой скуки. Голос Стрельцова прозвучал как из-под толстого слоя льда:

— Деян. Он здесь по тому же договору, что и ты.

И в этот момент аномалия взорвалась.

Глава 2.

Это был не звук, взорвалась сама тишина. Безмолвная ударная волна, вышибающая из сознания все мысли, оставляя лишь животный ужас. Стены цеха закачались, расслаиваясь, словно плохая голограмма. Сквозь них проступили другие стены из истлевшего дерева, будто сквозь время проглядывал слой прошлого этого места. Вея как обычно прищурилась, стараясь сконцентрироваться только на образах «настоящего». Пол под ногами поплыл, плитка превратилась в зыбучий песок.

— Черт! — прорычал Стрельцов, хватаясь за косяк двери, которая вот-вот должна была перестать существовать.

Обычно Вея одергивала такие высказывания чем-то вроде «Не поминай нечистого всуе!», но сейчас было не до этого. Ее взгляд был прикован к Деяну. Вспышка аномалии, казалось, впервые вывела его из оцепенения. Его тело напряглось, и по лицу, словно молнии, пробежали тени чего-то живого. Он резко повернулся к эпицентру, к тому месту у котла, где пространство теперь рвалось и клубилось черной пеной.

Их взгляды встретились на долю секунды. Ноль понимания причины, но общий, какой-то интуитивный, вывод — времени мало. В горле пересохло и пульсировало. Если сейчас же что-то не сделать, эта штука проглотит завод со всеми

потрохами и трубами. Ну и с работниками заодно.

Вея, преодолевая тошнотворную дезориентацию, сделала шаг вперед, вытаскивая мешочек с черной солью. Пальцы обжигало.

— Не сможешь одна, — его голос врезался в грохот рушащейся реальности. Он не кричал, но слова резали шум, как нож — плоть.

— Мешаешь! — прошипела Вея, с размаху рассыпая соль туда, откуда шли волны. Крупные минералы увязли в густом киселе, не долетев до пола. Они задымились, плавя сам воздух, будто раскаленные металлические шарики кинули в глыбу льда.

Вея достала нож. Лезвие, заговоренное утром, угольком вспыхнуло в окружающем их пепле. Она вонзила его в пространство перед собой, представляя, что рвет туго натянутую ткань. Послышался звук, которого не могло быть — скрежет разрываемой пустоты, противный и стеклянно-звонкий.

Аномалия взревела. Стены запрыгали в лихорадочном танце, показывая то цех XIX века, то бетонную коробку совдепа, то голые, промерзшие балки. Из черной пены у котла вырвались щупальца густого мрака, поползли к неподвижным рабочим.

— Держи периметр! — крикнул Деян. Его голос был низким и властным, без толики просьбы или сомнения: он знал, что Вея послушается. Это бесило и настораживало.

Мужчина не стал читать заклинаний и сыпать соль. Он

просто... упёрся. Его неподвижность, до этого казавшаяся оцепенением, обрела вдруг гранитную, неумолимую плотность. Он вытянул руку, и пространство вокруг него застыло. Дрожь пола прекратилась, расслаивающиеся стены на мгновение обрели четкость. Он создавал островок стабильности в бушующем хаосе, сдерживая распространение «Тиши» чистой силой воли.

Это был ее шанс.

Вея рванулась вперед. Ее нож, оставляя в воздухе дымящийся багровый шлейф, рассекал щупальца тьмы. Те коченели и рассыпались в серую пыль, похожую на стенной иней.

Они не сговаривались, не искали друг у друга поддержки. Их действия были идеально дополняющими, как будто они годами оттачивали этот танец. Ее яростная, почти дикая магия, уходящая корнями в землю и кровь, и его холодная, абстрактная сила, замораживающая саму реальность.

Она добралась до котла. Эпицентр пульсировал, как черное сердце. Здесь «Тишь» была гуще, тяжелее. Воздух стал желеобразным, каждый шаг давался с нечеловеческим усилием. Вея почувствовала, как аномалия пытается вытянуть из нее не только силы, но и память, сами мысли. В глазах поплыли тени забытых лиц, обрывки давно отшумевших разговоров.

— Не сейчас... — проскрежетала она себе под нос, вонзая нож в основание черной пульсации.

Раздался оглушительный хлопок. Полная противополож-

ность звука, абсолютный вакуум, вышибивший ее назад. Она ударилась спиной о что-то твердое и податливое одновременно. Это был Деян. Он принял ее удар, не сдвинувшись с места, продолжая удерживать барьер.

— Еще! — его команда прозвучала у самого ее уха.

Вея оттолкнулась от него, снова ринулась в атаку. Она выхватила из кармана оставшуюся черную соль и, смешав ее с собственной кровью из протертой ладони, швырнула в эпицентр.

— *Соль на погребение, кровь на забвение! Печать!*

Соль, заряженная ее кровью и словом, сработала иначе, вспыхнув ослепительно-белым пламенем. «Тишь» сжалась, издавая предсмертный визг, неслышимый, но от этого не менее жуткий. Черная пена стала скукоживаться, темнеть еще больше и оседать на пол тяжелым пеплом.

Давление ослабло, дрожь прекратилась. Расслоение реальности медленно затухало, оставляя после себя лишь полуразрушенный цех химического завода.

Вея, тяжело дыша, опустилась на одно колено. Рука с ножом дрожала от перенапряжения, перед глазами плыли круги.

Она подняла взгляд. Деян стоял на том же месте, его пальто было покрыто слоем серой пыли. Он смотрел на то место, где был эпицентр, а потом медленно перевел этот пустой, аномального цвета взгляд на нее. От него пахло остывшим пеплом и старыми камнями. Его лицо было так близко,

и всё так же размыто, будто её собственное зрение отказывалось его фокусировать.

— Эпично, — прокомментировал Стрельцов, подходя к ним. Он был бледен, но собран, а рядом семенил явно перепуганный капитан, — Пострадавших эвакуируем. Объяснять журналистам будем утечкой хладагента.

Стрельцов перевел взгляд с Веи на Деяна, и в его глазах читалась непростая смесь благодарности и глубокой неприязни.

— Работа сделана, можете расходиться. Благодарю за помощь.

Деян молча развернулся и направился к выходу, даже не кивнув на прощание. Его длинное пальто скрывало очертания фигуры, делая его безликой тенью, растворяющейся в полумраке.

Вея смотрела ему вслед, все еще чувствуя на коже ледяной отпечаток его пальцев. Ее внутренний архив, эта бесконечная картотека памяти, лихорадочно искал зацепку, ярлык, хоть что-то, что могло бы объяснить, кто он и почему ей так отчаянно хочется догнать его и... ударить. Но папка с его именем была пуста. И от этой пустоты становилось еще тревожнее.

— Кто он? — тихо спросила она Стрельцова, не отрывая взгляда от дверного проема, в котором исчез Деян.

— Независимый эксперт, как и вы, — ответил полковник, доставая пачку сигарет. Его руки чуть заметно дрожали. —

С ним свой договор. И его методы... отличаются. Больше вопросов нет?

Вопросов было много. Слишком много. Но все они упирались в одно — в абсолютную пустоту, которую она чувствовала, глядя ему вслед, и ноющую боль в груди. И в осознание, что этот жук Стрельцов ничегошеньки ей не расскажет, а если и расскажет, то грош цена будет его словам

— Нет, — сказала Вея, поворачиваясь к выходу. — Вопросы нет.

Она уже сделала несколько шагов, когда молодой капитан, нервно покусывая губу, догнал её.

— Вея, извините... — он сунул руку в карман и протянул ей чёрную, чуть мятую визитку. — Просто... на всякий случай. Вдруг пригодится.

На картонке значилось: «Черненко Деян Иванович. Кризис-эксперт».

Капитан стоял, краснея, будто совершил что-то запретное. Вея молча взяла визитку, сунула её в карман куртки и, не оборачиваясь, пошла к своей машине, чувствуя, как от этого кусочка картона исходит тот же ледяной холод, что и от его рук.

— Если что, мою ему не давайте, — не оборачиваясь, бросила она.

Дверь машины захлопнулась, отсекая мир. Тишина салона была уже своей, привычной. Вея запустила двигатель, долго сидела, глядя перед собой на покорёженные ворота заво-

да. Потом достала из кармана смятую визитку.

«Черненко Деян Иванович. Кризис-эксперт».

Почему она в первый раз слышит это имя? Вея знает всех и каждого одаренного человека как минимум в этом городе. Как ведун, равный ей по силе, прошел мимо?

Она провела пальцем по шрифту, пытаясь «прочесть» картон, ощутить его историю. Но карточка была новая, чистая, без намёка на память. Словно его и не существовало вовсе до этого дня.

Положив визитку в бардачок, она тронула с места. В голове, поверх усталости, уже выстраивался новый план. Нужно было проверить имя. Проследить связи. Найти щель, через которую можно было бы разглядеть хоть что-то за завесой угрюмого молчания этого странного мужчины и Стрельцова.

Дорога домой промелькнула как калейдоскоп — тротуары, знаки, светофоры, пешеходы. Она торопилась, но причина спешки вязла в голове, как в паутине.

— Ну шо, панночка? — Феня встретил её на пороге, сверкая глазами-угольками. — Показала этим псам армейским, кто тут настоящая ведьма? Рассказывай, не томи!

Вея скинула куртку, повесила её на вешалку и потянулась к чайнику.

— Да ничего особенного, — начала она, заваривая ромашку. — «Тишь» на химзаводе. Пространство плавилось, люди в ступоре. Стрельцов вызвал. Пришлось очаг гасить... — Она сделала глоток, пытаясь упорядочить расплывающи-

еся воспоминания. — Вместе справились.

— С кем вместе? — уточнил Феня, потирая мохнатые руки. — Наш кто-то? Из отдела?

— Нет... — Вея нахмурилась, пытаясь выцепить из тумана детали. — Стрельцов сказал, эксперт. Высокий. В пальто... — Она замолчала, вглядываясь в пар, поднимающийся из кружки. Лицо. Какое у него было лицо? Имя... Ей дали визитку. Она сунула её в карман.

Она резко потянулась к куртке, запустила руку в карман. Пусто.

Вея застыла, стискивая пустые кулаки. Лёд пробежал по спине.

— Феня, — голос её сорвался. — Я... я не помню. Не помню, как он выглядел. Как его звали.

Она обернулась к домовому. В её глазах, всегда таких уверенных и знающих, плескался настоящий ужас.

— Я забыла.

Феня перестал ухмыляться. Его бородатая морщинистая физиономия скукожилась, морщась. Он подошёл ближе, принюхался к воздуху вокруг неё.

— Чужого не чую, панночка, — проговорил он. — Это... не наведённое.

Вея смотрела на домового и осознавала, что больше не могла полагаться на самое стабильное, самое важное, что было в ее жизни — свою память.

Лида Тихонова выступала под псевдонимом «Морена». В свои двадцать шесть лет она являлась достаточно известной фолк-исполнительницей с большим фан клубом и хорошим послужным списком выпущенных песен и приглашений на различные концерты и фесты. Свое дело она любила, и жанр музыки был выбран неспроста: с детства Лиду тянуло ко всему оккультному и сакральному. Было очень приятно чувствовать себя частью чего-то древнего, неизведанного, непонятного обычным людям. Поэтому бумажное письмо, стилизованное под старину, с приглашением на личное выступление в настоящем древнем замке, повергло ее просто в щенячий восторг.

Письмо было не просто бумажным — густо испещренное витиеватым готическим шрифтом, а вместо обычной подписи внизу красовалась странная печать: стилизованное солнце, опутанное корнями мертвого дерева. Сумасшедший гонорар, который в три раза превышал ее стандартные расценки, был указан почти небрежно, будто дело было в мелочи. Лида проигнорировала легкий укол тревоги где-то глубоко внутри. Деньги и аура мистики оказались сильнее.

Начало было назначено на одиннадцать часов вечера. Они с командой отправились за несколько часов — замок располагался за городом, практически на границе леса, где вокруг на десятки километров не было никакой инфраструктуры. Как Лида узнала уже перед самым выездом — и самого замка на карте не было.

Их микроавтобус плутал по разбитым проселочным дорогам, пока за окном не стемнело окончательно. Внутри царила гнетущая, напряженная тишина — чем ближе они подъезжали, тем больше каждому члену команды хотелось вернуться и на максимальной скорости поехать обратно. Лида практически всю дорогу комкала салфетки и бубнила под нос тексты песен, как мантру. Грудь гудела от безотчетного страха и напряжения, но она упорно винила в этом предвступательный мандраж.

Микроавтобус вяз в расквашенной мокрой земли, и остановился, не доезжая до места пару сотен метров. Пришлось идти пешком, таща за собой чемоданы с влажным чавкающим звуком, вжимая голову в плечи и озираясь. И вот, наконец, в разрыве деревьев показался он — замок. Как на открытке — романтичный, отреставрированный, сказочный. Лида слегка приободрилась.

У главного входа их ждала девушка. Высокая, какая-то болезненно худая, в закрытом наглухо платье. Она монотонно поприветствовала их, представившись Эльгой, пожалала руки и повела внутрь.

Лида не могла отделаться от какой-то назойливой зудящей мысли, и после второго лестничного пролета ее озарило, — на улице конец сентября, практически ночь, температура около нуля. Вся ее команда, как и она сама, закутаны в теплые куртки. Эльга стояла на улице в одном платье, будто совсем не замечая холода, ее руки были ледяными, а изо рта

во время разговора не вышло ни единого облачка пара.

Их разместили в каком-то подвале, похожем на склеп. Другого описания просто не подобрать. В отличие от того, каким замок казался снаружи, внутри становилось понятно, что он давным-давно заброшен, и его поддержанием и обустройством никто не занимается. Могильный холод, исходивший от каменных стен, пробирал до самых костей. Никакого электричества, только старые, чадающие свечи и факелы. В каждом углу, если хорошо присмотреться, можно рассмотреть плантации плесени.

— Лид, может, ну его? — стуча зубами, спросил Стас, их басист, — Стрёмно что-то...

— Гонорар уже поступил, — без особой уверенности ответила Лида. В душе она была согласна со Стасом — нужно бежать, как можно дальше и быстрее, но неустойка сильно ударит по карману.

Они переоделись, содрогаясь от холода и отвращения, стараясь не прикасаться к холодным и липким стенам, и Эльга проводила их в главный зал. Народу было не так много, как ожидала Лада — человек пятнадцать максимум, включая Эльгу. Все в таких же закрытых старомодных нарядах, в полутьме зала казавшиеся мертвецки бледными.

С трудом настроив аппаратуру без света и электричества, они начали выступление. Первая песня — спокойная, настраивающая на нужную атмосферу баллада. Гости замороженно слушали, не двигаясь с места и слегка покачиваясь.

Но с каждой новой песней, ритм которой все ускорился, настроение в зале менялось.

«Лихая, пьяная жизнь, эй!

Расскажи мне, как тебя потрепало!

Сегодня священная ночь, эй!

Танцуй, пока солнце не встало!»

Гости танцевали. Дерганые, рваные, первобытные движения сопровождалось повизгиванием и маниакальным хохотом.

«Танцуй же, танцуй, не жалея подошвы,

Сегодня все можно, ночь так длинна!

Завтра не будет. Оно не наступит,

Кровь этой ночью так горяча и пьяна!»

Голос Лиды сорвался на последней строчке. Факелы на стенах вспыхнули, сами по себе, будто на них плеснули бензином, и она увидела настоящих гостей. Истлевшие от времени нарядные платья и фраки, из-под которых проглядывала серая, иссохшая кожа. В некоторых местах обнажались кости. У парочки кавалеров отсутствовали конечности. Почти у всех на голове вместо волос — путанные колтуны или голый череп.

Это были ходячие трупы.

Они смеялись, отплясывали, отражая от пустых стен бряцанье костей и зубов. Тот сладковато-гнилостный запах, что витал в замке, здесь, в зале, ударил в нос настоящей волной — теперь в нем явственно читались ноты разложения и ста-

рой, запекушейся крови. Один из кавалеров, лихо выписывая пируэт, оставил на полу три своих пальца, даже не заметив этого. Его дама, с лицом, наполовину скрытым порвавшейся кожей, весело хохотала, и ее челюсть от этого смеха опасно перекашивалась, грозя отвалиться.

Музыка, которую играли ее музыканты, превратилась в хаотичный, сбивчивый вой. Флейта Ирины выла на одной ноте, а Степан, бледный как полотно, тыкал в струны бас-гитары дрожащими пальцами, издавая глухие, бессвязные булькающие звуки.

Она обернулась к ним, не прерывая песни, переглянулась. Не останавливаться. Не показывать страха. Не дать им понять, что они видят.

И тут взгляд Лиды упал на бокалы в руках у гостей. То, что она приняла за вино, было густой, почти черной жидкостью, в которой копошились личинки. Одна из «дам», сидевшая в первом ряду, с изяществом поднесла бокал к тому месту, где когда-то были губы, и сделала глоток. Темная жидкость вылилась ей на истлевший лиф платья, оставляя расплывшийся кровавый след.

Степан не выдержал. Боковым зрением Лида увидела, как он судорожно дернулся, глаза закатились, и парень будто замертво упал на каменный пол. Ирина взвизгнула, Лида замолчала.

Танец прекратился. Все гости разом замерли и повернули головы в сторону сцены, десятки пар пустых глазниц уста-

вились на Лиду. В наступившей тишине был слышен лишь треск факелов и противный, влажный хруст — это один из гостей, у которого отвалилась челюсть, пытался руками «поправить» ее.

Ирина и Лида, не сговариваясь, бросились со сцены. Они оставили там все — дорогое оборудование, собственные вещи в подвале, бессознательного Степана. В голове набатом стучало «Бежать. Бежать!»

Вся любовь Лиды к оккультному, все ее романтические фантазии о древних тайнах в тот миг испарились, оставив после себя лишь леденящий, животный ужас. Она бежала и молилась всем богам, чтобы те позволили ей выжить.

«Я никогда больше в это не сунусь. Только бы сбежать, только бы не поймали!»

Но погони не было. Они выскочили из замка, запыхавшиеся, мокрые, и, утопая в грязи, помчали к автобусу. Впереди, освещенная лунным светом, показалась фигура.

Девушки замерли. Нашли? Догнали?

Фигура приближалась. Это был не труп. Молодая девушка, с головы до ног обвешанная какими-то подвесками и амулетами, с топором в руке и португеей для ножа. Черные кудрявые волосы будто поглощали свет, облаком рассыпались по плечам. Сверкающие в темноте, как у кошки, зеленые глаза смотрели удивленно и настороженно.

— Вы что тут делаете? — спросила она.

— М-м-м-музыкан-ты, — с трудом проговорила Лида, а

потом схватила девушку за руку. Кожа у той была мягкой и горячей, и Лида немного успокоилась, — Там, там! — тыкала она пальцем в сторону замка, — Трупы! Много! Ходят! Живые!

— Да, живые трупы бывают очень подвижны, — согласилась девушка, мягко отцепляя от себя оцепеневшие Лидины пальцы.

Покопалась в карманах, достала оттуда какой-то холщовый мешочек. Вгляделась в этикетку, с сомнением перевела глаза на Лиду и Ирину, и спрятала мешочек обратно.

— Девочки, все хорошо, все уже закончилось, — успокаивающе проговорила она, — Вы на чем приехали?

— Микроавтобус... — заторможено ответила Ирина, — Где-то там стоит... Степа! — она в ужасе распахнула глаза, повисла на Лиде, — Мы оставили там Степу! Они его сожрут!

— Подавятся, — со вздохом ответила девушка, а потом опустила голову и что-то забормотала.

Стало вдруг так спокойно. Лида с Ириной непонимающе переглянулись. Что они делают возле леса? Почему такие уставшие?

— Сейчас вы пойдете в свой автобус, дождетесь вашего Степу, поедете по домам и навсегда забудете о том, что сегодня произошло. Поняли?

Девушки кивнули и побрели дальше по дороге.

Вея проводила их глазами и пошла дальше. С ноги выбила

дверь в замок.

— Жмурики, вы чё, совсем ополоумели?! — заорала она, — С вами, значит, по-хорошему, не упокаиваешь, даешь нагуляться перед зимовкой, а вы бунтовать?! Чья идея была?

Вперед робко, гремя костями, вышел полуразложившийся мужчина в старинном фраке.

— Не сердчай, хозяйюшка, — неловко улыбнулся он, и его нижняя челюсть опасно перекосилась. — Со скуки всё... Века лежим, а тут девки с гудением веселым... Подумали, гости.

— Ну да, прям сами пришли, без приглашения, больно им сарай этот понравился! — Вея ткнула пальцем в его разлагающуюся грудь. — Договор помните? Вам — покой и уважение, вам курганы не раскапывают. Вы — тишина и порядок. А не... это! — она с возмущением обвела рукой зал, где прочие покойники робко жались по углам, пытаясь придать своим останкам подобие приличного вида.

— Да мы ничего... — заныл фрачник.

— Молчать! — её голос прокатился по залу, и свечи на мгновение погасли. — Все. На места. До следующего равенствия — ни чиха. Поняли? И чтоб этот... — она указала на бесчувственного Степу, которого пара скелетов почти-тельно подхватила под мышки, — ...был у автобуса через пять минут. Живой и невредимый. Без единого намёка на укус.

Покойники закивали с такой энергией, что у одного отвалилась голова и покатила по полу с глухим стуком.

Вея, ворча себе под нос о безответственности неуспокоенных, проследила, чтобы музыканта вынесли, и, бросив последний грозный взгляд на притихшую публику, вышла на задний двор.

Упыри поплелись за ней. Вея подождала, пока все попрощаются друг с другом и разлягутся по склепам и гробам. Заскрежетали крышки. Наступила тишина, полная ожидания.

*«Лягайте, косточки, спать,
Земля пухом, песок — перина.»*

Она прошлась вдоль могилок, посыпая на каждую травы и очерчивая ножиком символы.

*«До самой весны дриматы,
Сомкнуть усталые личины.»*

На каждый земляной бугорок капля воска, кусочек хлеба и чуть-чуть вина.

*«Забудьте пляски, забудьте мовы,
В жилах стукла вже вся кров.
Ваш сон бережу я словом,
Моею силою, моею любовью.
Спите. Поки не прыйде пора.
Спите. До нового року.
Мир вашому праху. Тихо.»*

Напев лился спокойно и властно, как течение самой смерти. Последнее напряжение покидало древние кости. В её бесстрастных словах была вековая магия этой земли — и обе-

щение покоя, и неотвратимость забвения.

Это были не плохие люди. Она знала их — не убийцы, не проклятийники или душегубы. Просто погибшие нечестной смертью, жертвы чужих амбиций, не удостоенные даже правильного погребения. Гости последнего бала.

Загородная усадьба купеческого рода, построенная с претензией на столичную роскошь, отсюда и прозвание «замок». Последний её хозяин, честолюбивый наследник, обрёк своих гостей на мучительную смерть. Он пригласил чужеземных кочевников для выступления, а те привезли с собой лихорадку, от которой люди сгорали за ночь. Чтобы паника не расплзлась по губернии, усадьбу заперли на засов, обнесли частоколом и бросили умирать вместе с хозяином, его гордыней и его музыкой.

Буйного наследника она упокоила навеки еще много лет назад. А его гостей, застывший в воспоминаниях той ночи, пожалела.

Вея до самого рассвета просила на земле, прислонившись к стволу старого ясеня. Смерть для нее была непозволительной роскошью. Она не завидовала этим покойникам, но иногда задумывалась — доведется ли и ей когда-нибудь разложить свои косточки в деревянном ложе? Или не деревянном. Вековая ведьма без души — из нее выйдет крайне проблемный покойник. Даже Стрельцов со всей своей спецгруппой вряд ли справится с ней. Будут ли у нее в посмертье те, на кого она будет обижена, кому захочет мстить? Вея помнила

каждого человека, встреченного ей в жизни, его лицо и историю, но ни на кого не держала зла по одной простой причине — все эти люди и сущности были чем-то мимолетным в ее жизни, как бабочки-однодневки. Как можно злиться на бабочек?

Эти мысли навевали перманентную тоску. Всегда одна, всегда поодаль. Наверно, эта судьба, predeterminedенная с рождения — даже ее родной дом находился в отдалении от изб других сельчан. Причины она не знала — родителей, которые могли бы объяснить, не было, а Пряха не слишком отягощала себя разъяснениями.

Когда из-за горизонта показались первые робкие лучи, а конечности окончательно продрогли, Вея поднялась. Домой почему-то не хотелось — это спокойное, тихое место с вечной печатью чего-то навеки утраченного действовало на нее странным образом умиротворяюще. Да, грустно, но хотя бы не страшно или тревожно. Меньшее из двух зол, как говорится.

Она бесцельно бродила по заросшей роци вокруг усадьбы, жмурясь, когда солнечные лучи пробивались сквозь плотную завесу веток и били по глазам. Поэтому, когда впереди показалось что-то расплывчатое и переливающееся, как мыльный пузырь, она подумала, что зрение не успело сфокусироваться и ей просто мерещится. Но пузырь двигался, плыл между деревьями, приближаясь к месту захоронения мертвецов, и, сколько бы Вея не моргала и не шурилась,

не исчезал. Существо не издавало звуков, от него ничем не пахло, не чувствовалось ни холода, ни тепла. Просто огромный мыльный пузырь в форме человеческого тела. На Вею оно сперва не реагировало, кочевало от одного дерева к другому, и там, где коры касались полупрозрачные пальцы, она чернела, сочилась какой-то жижей, а затем осыпалась трухой.

Вея затаилась, молча наблюдая и стараясь не издавать ни звука. Это была не нечисть, не дух, и вообще ничего, что она когда-либо видела и знала. Ощущать себя неосведомленной, столкнувшейся с чем-то, для чего у тебя нет даже названия, ярлыка, было непривычно и до одури жутко.

По мере того, как существо приближалось к ней, по его очертаниям начала идти рябь. Сначала мелкая, едва различимая, затем больше, шире, как круги на воде. Наконец, оно тоже это заметило. Резко остановилось и быстро, безошибочно повернуло голову в ее сторону. Ни лица, ни рта не было, но существо завизжало. Не угрожающе, а, скорее... радостно? Как скулит пес, увидев хозяина после долгой разлуки.

Существо начало приближаться, протянуло руку, и Вея оцепенела. Она увидела, как прямо из ее груди выплетается прочная, полупрозрачная нить, и тянется к существу.

— Не подходи... — сдавленно прошептала она, — Не подходи, не трогай!

Вот тебе и вековая могучая ведьма — в момент опасности выпалить не какой-нибудь древний заговор, а просто завопить, как девчонка при виде дворовой псины. Но Вея зна-

ла — никакой заговор, никакое заклинание не поможет ей. От этого существа чувствовалось то же, что и ото всех аномалий, которые она встречала — абсолютная, иррациональная пустота и какая-то коренная неправильность. И ее крик был отражением этой неправильности, она отталкивала саму идею приближения этой твари.

Нить оборвалась, растворившись в воздухе. Существо не остановилось, но замедлилось. Его конечности двигались плавно, тягуче, будто застревающая в воздухе, как в меде. Вея оглянулась по сторонам в хаотичном поиске хоть какой-то лазейки, идеи, как его остановить. Взгляд зацепился за дерево, мимо которого проходила тварь. Осыпавшаяся кора открывала не древесное нутро, а булькающую вязкую жидкость, как если бы опилки очень долго гнили в земле, разложившись до клейкого состояния. Вею передернуло.

“Дерево забывает, что оно — дерево” — вспомнила она слова Вычи. “Значит, это тварь как бы крадет суть?”

Она бросила взгляд на существо, все ещедвигающееся, как в замедленной съемке.

— Земля под ногами — твердь, — крикнула Вея, топнув ногой. Рыхлая от дождей почва стала твердой, упругой. Надежной.

— Воздух в груди — жизнь, — выдохнула она, и вокруг завибрировало, — Я здесь. Я есть.

Тварь снова завизжала, но теперь в звуке слышалось раздражение, непонимание. Оно упёрлось в пространство во-

круг Веи, не в силах пройти дальше, его полупрозрачные руки делали плавающие движения, будто пытаясь «стереть» саму Вею.

Она не стала ждать. Отступала, продолжая шептать, уже не крича, а вплетая в каждый шаг утверждение:

—Корни глубоки. Стволы крепки. Тень падает вот здесь, и она — моя. — Она указывала на свою тень, и та, казалось, на миг стала гуще.

—Имя мне...— она чуть запнулась, но все же уверенно закончила, — Верей. Я — есть.

Это был единственный способ, который пришел ей в голову. Если что-то крадет суть, то надо эту суть констатировать, укрепить: её присутствие в этом месте, в этот момент — неоспоримо.

Существо, наконец, отпрянуло. Не от страха, а словно от досады. Оно поплыло прочь, к гниющим деревьям, к чему-то более податливому, что можно было легко превратить в абстракцию, что не перечило и не топало ногами.

Вея упала на землю, обхватив горло рукой и тяжело дыша. Что это было? Откуда эта тварь вылезла?

— Пустопряд какой-то, — выдохнула Вея и захихикала от собственного каламбура. Она легла на сырую землю, сквозь ветки рассматривая окончательно посветлевшее небо. — Что ж, дело сдвинулось с мертвой точки.

Накатила смертельная усталость. Голова гудела, тело ныло, и как никогда хотелось напиться и просто уснуть. Вея со стоном поднялась и медленно направилась к машине.

Погруженные в предрассветное спокойствие пейзажи ставших знакомыми улиц пролетали за окнами. Она свернула с грунтовки на асфальтированную дорогу, и мир за окном поплыл, накладываясь сам на себя. Это не была аномалия — Вея специально вспоминала каждый знакомый угол, убеждаясь, что Пустопряд не вынул ничего из ее воспоминаний.

Вот тут, где сейчас стоял безликий жилой комплекс из стекла и бетона, когда-то шумела луговина. Она, семилетняя, бежала по ней босиком, чувствуя, как влажная трава бьет по щиколоткам, а в руке зажат букет из иван-да-марья для Пряхи. Воздух тогда пах дымком и медом. Теперь — выхлопами и пылью.

Светофор заморгал красным. Она остановилась, и сквозь фасад круглосуточного супермаркета проступили контуры старой кузницы.

Она видела его — широкоплечего Кузьму, с лицом, черным от сажи и пота. Он не просто подковывал лошадей. Он ковал обережные гвозди для дверей, обрядовые серпы. Однажды он выковал для нее маленький ножик, «чтоб нечисть боялась». Она провела пальцами по рукояти настоящего ножа на поясе. Того кузнеца и его потомков давно стерло с лица земли время, а его изделие всё еще было с ней. Умели же раньше делать. Светофор переключился на зеленый. Супер-

маркет снова стал просто супермаркетом.

Она проезжала мимо нового парка с аккуратными дорожками и фонарями, и сквозь него, как сквозь кальку, проступала старая березовая роща.

Там, где сейчас асфальтированная площадка для выгула собак, стоял огромный пень-ветеран. Местные мужики, придя с покоса, садились на него, передавая по кругу деревянную кружку с чем-то кислым и терпким. А старики шептались, что под тем пнем спит дух, хранящий село от лихорадки. Теперь духа, скорее всего, не было. Как и пня. Как и села.

Она свернула на свою улицу, и вот он — ее дом. Островок старины, застрявший между двумя новостройками. Но и он не был неизменным.

Она припарковалась и, выходя из машины, на секунду увидела его другим. Не каменным, а бревенчатым, с резными наличниками, которые ее руки помнили на ощупь. Во дворе не стояла ее японская «иномарка», а была привязана к колышку коза, и дым из печной трубы был гуще и пах не просто углем, а горячей лучинкой и щами в горшке.

Она толкнула калитку, и видение исчезло. Перед ней был ее крепкий, старый, но все же не *тот* дом. Что случилось с тем, она не знала. Сгнил, наверно.

Вся ненавидела этот город, поэтому так не хотела сюда возвращаться, даже услышав про происходящие здесь странности.. Ни в одном другом у нее не возникало столько больших воспоминаний, как в этом. Городе, в котором она роди-

лась.

—Феня, ты не поверишь... — начала Вея, вешая куртку.

Глава 3

Утром Веоря пошла на штурм отдела «К.» с лицом, на котором бессонная ночь написала свою собственную, многословную повесть. Не выспавшаяся, раздраженная, взбудораженная, всю ночь она перерывала собственные архивы, пытаясь найти там описание чего-то, хоть отдаленно похожего на существо возле усадьбы, но тщетно. Теперь единственное, что она может сделать прямо здесь и сейчас — выяснить, знает ли об их существовании еще кто-то.

Веоря ворвалась в кабинет Стрельцова чуть ли не с ноги. Какое-то предчувствие, неприятная догадка тянула ее вперед, не оставляя время на подумать.

Она упёрлась руками в его стол, едва не опрокинув подставку с ручками.

— Новая нечисть, — на полузадушенном от быстрой ходьбы выдохе сказала она вместо приветствия, — Что вы знаете о полупрозрачных тварях, крадущих воспоминания?

Стрельцов повернулся к ней с разинутым ртом, будто прерванный на полуслове. Осуждающе прошелся по всей ее фигуре, а потом перевел взгляд вправо, к окну. Чувствуя, к чему это идет, Веоря обреченно повернулась.

Там, опираясь на подоконник, стоял мужчина. Веоря раздраженно протерла глаза — из-за бессонной ночи они жгли, сле-

зились, и она не могла четко разглядеть лица незнакомца.

— Это она тебя так покусала, что ты врываешься в чужой кабинет, снося дверь? — иронично спросил Стрельцов, откидываясь на спинку опасно накренившегося стула.

— Это приватный разговор, — чуть не прорычала Вея, — Ссылаясь на третий пункт договора, прошу обеспечить нераглашение информации.

— Так приходи позже, я сейчас занят, — ничуть не впечатлившись, предложил полковник.

— Это срочно! — Вея повысила голос, поражаясь его спокойствию. Речь об аномалиях, а он гонит ее, чтобы побеседовать с каким-то расплывающимся мужиком в пальто?

“Мужик в пальто” так и не обрел лица. Вея все всматривалась и всматривалась, уже наплевав на Стрельцова и Пу-стопряда, пока голова не начала гудеть. Желтые глаза, единственное, что читалось на лице, смотрели в ответ прямо и открыто, но совершенно равнодушно, несмотря на ее недавний спич.

— Раз срочно, то говори, чего булки мять, — проворчал Стрельцов, нормально усаживаясь в кресле. И, предвосхищая ее протест, добавил, — При нем можешь, он свой.

— Уверен? — тихо переспросила Вея, — Этот “свой” глаза мне с самого начала отводит, и голоса даже не подает. Странновато, нет?

— А я не пес, чтобы по команде голос подавать, — ответил вместо полковника мужчина, — Либо говорите, с чем

пришли, либо будьте любезны дать нам закончить разговор. Тоже, между прочим, приватный.

Вея захлопнула рот и уставилась на Стрельцова с лицом, выражающем крайнюю степеть удивления и негодования. Тот лишь со вздохом покачал головой, но незнакомца никак не осадил.

— Что ж, так и быть, — так и не дождавшись реакции, процедила Вея, — Я любезно дам вам возможность договорить, а сама уберусь восвоеси с единственной за десять лет зацепкой по делу с аномалиями. Продуктивной беседы.

И она развернулась, намереваясь уйти и тихонько, исключительно вежливо прикрыть за собой дверь.

— Деян, Верeya, ну богов ради, — простонал Стрельцов, — Что ж вы собачитесь постоянно, спокойно работать религия не позволяет?

— Мы первый раз видимся, о каком постоянстве идет речь? — ровно уточнила Вея.

— Что там у тебя с нечистью? — махнув рукой, вопросом на вопрос ответил Стрельцов.

Постоянно косясь на мужчину у окна, Вея вздохнула, и рассказала о Пустопряде. О своих впечатлениях, его внешнем виде и том, как смогла его прогнать. С каждым ее словом полковник становился все мрачнее, но незнакомец у окна вообще никак не реагировал. Без выражения лица конечно сложно было определить реакцию, но он стоял, застыв, словно каменный, не дышал даже, будто мимикрируя под ме-

бель.

— Ты знал? — спустя несколько долгих секунд угрюмого молчания, спросил Стрельцов у мужчины. полковник сверлил его мрачным, неприязненным взглядом, каким обычно не смотрят на "своих".

Вея насторожилась. Мужчина ничего не ответил, лишь скосил взгляд в ее сторону. Очень красноречиво скосил. Она в ответ смотрела на него. Все ещё щурясь, но прямо, с вызовом. Что, опять попросит удалиться? Этого она уж точно не потерпит.

Видимо, поняв это по ее взгляду, мужчина нехотя кивнул. Вее сначала показалось, что сам себе, но Стрельцов вдруг хлопнул ладонями по столу и заорал:

— Да бесы вас пожри! Вы на меня работаете, не забыли? — нутро Вее запротестовало против такого заявления, мужчина у окна тоже едва заметно скривился, — Что за тайны? Или что, в один день окажется, что это вы вдвоем бегаєте по городу и устраиваете мне такие перформансы?!

— Дмитрий! Напоминаю, мы первый раз видимся, — возразила Вея, — Что вы нас все под одну гребёнку гребете?

полковник устало рухнул на кресло, с которого вскочил, пока орал, и сокрушенно покачал головой.

— Можешь идти, — устало сказал он Вее, — Спасибо, что сообщила, мы примем это в работу. Ты, — зыркнул он на мужчину, — Доклад мне обо всем, что знаешь по поводу этой твари. Как там Веряя ее назвала? Пустопряд? Отлично,

оставим как рабочее название.

— Подождите, — запротестовала Вея, — Что значит идти? Если есть ещё какая-то дополнительная информация...

— Ничего нового, о чем бы вы не знали, я полковнику не сообщу, — перебил ее мужчина.

Вея сжала кулаки от накатившего раздражения.

— Как вас зовут то хоть? — спросила она, — Раз уж предстоит работать вместе, не лишним было бы и представиться. Ещё в начале диалога, — едко добавила она, — И, ради богов, хватит отводить мне глаза!

Мужчина ответил не сразу. Он просто стоял и разглядывал ее, над чем-то раздумывая и не спеша выполнять просьбу.

— Деян, — наконец ответил он.

— Вот и познакомились, — хлопнул в ладоши Стрельцов, — А теперь пора работать.

Штаб Вея покидала в крайне разрозненных чувствах. Голова гудела, в груди жгло. Она упала на сиденье машины, массируя виски и тупо уставившись в лобовое стекло. Во дворе туда сюда сновали молодые и не очень офицеры, кто-то в форме, кто-то в штатском. Они сбывались в стайки, что-то обсуждали, а потом расходились по своим делам.

Вея потянулась к бардачку в поисках обезболивающего, но вытянула смятый кусок картона.

“Черненко Деян Иванович. Кризис-эксперт”. Кто это? Чья визитка и откуда?

Неважно. Голова раскалывалась так, что темнело в глазах. Она сунула визитку в карман джинс, нашла таблетки и проглотила сразу три штуки. Уперевшись лбом в руль, сидела с закрытыми глазами в ожидании, пока они подействуют, и в раздумьях, что делать дальше.

Доверия к Стрельцову и отделу у неё больше не было. Нужно разузнать, кто этот... этот... Про кого она хотела узнать?

Голова заболела сильнее, ее как будто сдавливали со всех сторон разом. Вея стиснула зубы, поморщилась, плотнее вжимаясь в руль. От резкого звука клаксона она вздрогнула, резко вскинула голову, успев заметить, как два испуганных звуком воробья вспархивают с капота ее машины, но, не поднявшись и на метр, вдруг разом складывают крылья, камнем падая вниз. Два глухих стука, и тушки, прокатившись по металлу капота, падают на землю, тут же вскакивая и обескураженного озираясь.

Вея проводила их почти-полет мрачным взглядом. К ним тоже прикасалось то существо? Они забывают, как летать? Или как быть птицами?

— Нужно найти способ изгнать его... — пробормотала Вея, — Развеять... или хотя бы понять, что оно такое и откуда взялось...

Кто бы мог подумать, что “оно” окажется “ими”?

Вечером того же дня, поспав недолго и так и не найдя информацию, Вея решила ловить тварь “на живца”. Выча го-

ворил, у него деревья с ума сходят? Значит, именно там искать и стоит.

Припарковав машину на обочине трассы, она шла вглубь леса, подсвечивая путь фонарем и всматриваясь в каждую кочку и норку с целью разглядеть переливы мыльного пузыря, но так ничего и не увидела. Лес жил своей жизнью: шуршала опавшая к зиме листва под ногами, где-то вдалеке остервенело долбил дерево дятел, квакали лягушки у какой-то лужи. Вея досадливо пнула ботинком камешек. И зачем только ехала сюда на ночь глядя?

Совсем рядом зашуршало. Вея вскинулась, резко направив фонарь в сторону звука, и столкнулась с подслеповато щурищемся Вычей.

— Каким ветром, Веюшка? — улыбнулся леший, прикрывая рукой глаза от бьющего в них света.

Вея торопливо отвела фонарь в сторону.

— Прости, что разбудила, дедушка, — извиняюще сказала Вея, — Ищу кое-кого. Думаю, в лесу твоём паразит завелся, надобно вытравить.

— Нету у меня нияких паразитов! — тут же яро запротестовал он, — Я тщательно слежу за лесовой... как ее там... гигиеной, во! Чисто у меня во владениях!

Посмеиваясь, Вея присела на поваленный ствол дерева, вода фонариком туда-сюда по земле.

— Да не про это я, — наблюдая, как луч освещает то ее ботинки, по пожухлые коричневые листья вокруг, ответила

она, — Сам же говорил, что лес твой забывается, деревья да зверье себя странно ведут. Вот я и пришла разобраться. Знаешь, — доверительно прошептала Вея, — Я тут нынче чудище такое встретила... На тень человечью похоже, только переливается, как... — она задумалась. Старый отшельник Выча вряд ли знает, как переливаются мыльные пузыри или бензин, — Вот как если русалке хвост прищемить, вот так же. И от прикосновения его природа саму себя теряет. Думаю, именно он у тебя в лесу бродит...

Она замолчала, а в голове пронеслась пугающая мысль. От леса Вычи до усадьбы два часа ехать, а Пустопряд не показался ей особо быстрым. Конечно, дела свои он не за один день делает, но есть ли вероятность, что он не один?

— Ох, не знаю, сестрица, — тем временем покачал головой леший, — Не видал я тута похожего. Авось старый стал совсем, зёнки не те уже, однако, думается, запомнил бы такое.

“Или нет”, — с грустью подумала Вея.

— Но я услышал тебя, Веюшка. Буду бдить, приглядываться, искать врага, — Выча переминался с ноги на ногу, покряхтывая и зевая. Все же потревожила его Вея, разбудила, а перед зимой лесные совсем вялыми становятся, им покой нужен.

— Да, спасибо. Извини еще раз, что взбудоражила, — поднимаясь, сказала Вея, — Пойду я, и ты спать иди. Если случится что, или помощь нужна будет, зови.

— Позову-позову, куда же денусь.

Вея пошла к машине, прислушиваясь к ковылянию маленьких ног за спиной. Что-то было не так. Каждый шаг давался сложнее, ее будто что-то тянуло назад, не давало уйти, вопило внутри грудной клетки.

— Слушай, Выча, а ты... — она не договорила.

Над головой повернувшегося к ней лешего висели ножницы. По крайней мере, так казалось на первый взгляд: такой же около-человеческий силуэт, как и у Пустопряды, только он не переливался, а рябил, как телевизор с помехами. Вместо рук — два длинных, до самой земли, лезвия, которые сейчас, в эту самую минуту, скрестились над головой Вычи.

“Щелк”.

Тихий, частотный звук. Глаза Вычи опустели, он сгорбился, замерев на месте и вперив немигающий взгляд в землю. Между ним и существом блеснула толстая, прочная нить, в одночасье разошедшаяся на две половинки, как разрубленный червяк.

— Хватай, — бесстрастно шепнул ей кто-то в ухо.

Вея не раздумывала. По мере расхождения две половинки истончались, исчезали, действовать нужно было мгновенно. В один прыжок преодолев разделяющее их расстояние, она схватила расползающиеся в разные стороны нитки, и тут же осознала свою ошибку: теперь она была абсолютно беззащитна перед существом с руками-ножницами. Она стояла перед ним с распростертыми руками, открыв всю себя, и

не могла отпустить. Вея не знала точно, что произойдет, если нити окончательно растворяться, но, само собой, ничего хорошего. А в ее руках они оставались целыми, прочными, хоть и все еще разрезанными.

Существо стояло неподвижно, склонив голову и рассматривая ее.

— Что, и ты обидишься, что мешаю? — прохрипела Вея.

Тварь взревела, бросилась вперед, острые конечности вспороли рыхлую землю. Вея не успела и вскрикнуть, как из-за спины наперерез твари метнулся силуэт. Абсолютно человеческий.

— Сшивай, — услышала она прежде, чем две фигуры столкнулись.

Незнакомец толкнул воздух перед собой, и существо отлетело, врезавшись в дерево с жутким визгом. Тут же подскочило, занесло вмиг удлинившееся лезвие над головой мужчины, но тот поднял руку, и конечность твари врезалась в нее, не рассекая. Раздался противный скрежет, как металлом о камень, в глаза Вее брызнули серые искры.

Она отвернулась, подтягивая ладони с зажатými в них нитями друг к другу.

“Сшивай.. Легко сказать. Я кто, портниха?”

Но делать что-то надо было. Она свела разрезанные концы вместе, зашептала:

— Сок течет по дереву, речь течет по роду, память стынет в венах. Не

прервется слово, не покинет мысль, не порвет покровы... Сок течет по дереву...

Концы нитки распушились, Вея свела их вместе, не прекращая шептать и наблюдая, как те переплетаются, образуя большой, несуразный узел, через который в неё хлынула целая волна. Смутные образы: вековые корни, шепот листьев, память о каждом звере, рождённом в этом лесу, и о каждом, кто в нём умер, мысль каждого живого существа, хаотичный, громкий гул. Головокружительный, всепоглощающий поток бытия Вычи. Она едва удержалась на ногах, стиснув зубы, чтобы не закричать от перегрузки и не сбить выдуманный на ходу речитатив.

Леший отмер, встрепенулся.

— Мать сыра земля... — рассеянно пробурчал он, — Со всем что-ли мозги утекли... Зима суровая, да, продуло... Надобно лисов закликать, погреться... Лисов... Лисы!

Выча заметался, закружился на месте. Нить, все ещё натянутая между ними и существом, опасно задрожала. Ни Вею, ни сражающихся он будто не замечал, просто бегал в панике, бормоча что-то под нос.

— Не слышу... не чую... оглох, ослеп... не леший боле... Что ж творится...

Слишком топорный узел, слишком неуклюжий. Леший очнулся, но его суть, его природа и способности застряли на полпути, не в силах преодолеть преграду. Что делают с нестабильными узелками? Прижигают.

Вея кинула взгляд на неожиданного заступника и обомлела. Тот стоял, облокотившись на согнутое колено, ботинком прижимая извивающуюся тварь к земле, и скучающие наблюдал за ней и Вычей. Тварь дергалась, по телу непрерывно пробегали рябящие всполохи, острые руки-лезвия кромсали чужую ногу на собственной груди, но, как и раньше, не могли навредить. Мужчина, казалось, и вовсе не замечал его потуг.

— Ну, — спокойно произнес он, будто они вели светскую беседу где-то в парке, — Поняла же уже, что делать. Ждешь одобрения?

— С тобой мы поговорим отдельно, — прошипела Вея и сосредоточилась на узле, — Огонь-Сварожич, поможи....

От ее плечей побежали искры, распалаясь с каждым мгновением, и по ладоням уже текло чистое пламя. Жаркие языки хлынули в две стороны. Лешего они мягко обняли, не причиняя никакого вреда, а к твари рванули, как из огнемёта. Та завизжала, и тот конец нити, который тянулся к ней, с тихим треском опал на землю. Существо отчаянно рванулось, и в этот момент незнакомец перестал ее удерживать и просто отступил. Вея хотела возмутиться, но тело твари почти тут же начало истончаться, таять, и вот уже на земле ничего нет, кроме примятых черных листьев.

Огонь побежал по нити, сжигая ее полностью, и, столкнувшись посередине, на узле, вспыхнул синим огнивом и затух.

Выча, до этого пытавшийся в буквальном смысле досту-

чаться до ближайшего дерева, колотя по нему маленькими кулачками, замер.

— Не ори, — скривился он, — Не ори, говорю. Прощеньца прошу, вспылел... — он с улыбкой повернулся к Вее, открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут заметил мужчину и улыбка спала, — Камень... Сестрица, бачишь? Камень, а дышит....

Оставив Вычу без ответа, Вея повернулась к мужчине.

— Спасибо за помощь, — сказала она, — А теперь пора знакомиться. Кто ты?

Мужчина на вопрос не ответил. Развернулся и бросил через плечо:

— Не ищи с ними встречи. Этот сдох, на него месте где-то только что появился новый. Они тянутся к тебе, так что, если не хочешь подвергать опасности близких, забудь и живи, будто ничего не случилось, — он начал уходить, но Вея услышала тихое: — Впрочем, как ты делала всегда.

Мужская фигура ступила в тень дерева и растворилась в ней. Он просто исчез, совсем как то существо недавно.

Вея молча смотрела на то место, где только что стоял человек, которого она видела впервые в жизни, который помог ей спасти друга, обругал, просверлил странным желтыми глазами и просто исчез без объяснений.

— Эту тварь Стригуном назову, — наконец тихо сказала она лешему.

— Да какой Стригун, — досадливо махнул он рукой, и с

мшистого рукава посыпался иней, — Говорю же тебе: камешка! Жить не живёт, а разговаривает.

— Да я не про него. Я про то существо, которое напало на нас.

— Какое существо?

Стригуна Выча не видел.

Феня песочил ее долго и со вкусом. По всему прошелся: и по интеллектуальным способностям, и по характеру, и по старческому маразму, который Вея после его получасовой проповеди начала сама у себя подозревать.

— Вроде столько годков землю топчешь, почитай, поболее меня! А разуму то, разуму, как у дитёнка, — сокрушался он после того, как Вея рассказала ему про Пустопряда и Стригуна, — На кой лезешь, кто тебе медаль даст за это? Целый отряд за это монету с наших налогов получает, но нет, нашлась альт... альт... альтруистка, задарма на рожон лезешь!

— Ты не платишь налоги, — между делом заметила Вея.

— И что? — не сдавался домовый, — Ты платишь, из своего кармана, да ещё и работу за них делаешь. Удобно устроились, дармоеды!

Спич этот Вея слушала с флегматичным спокойствием. Сегодня, сражаясь со Стригуном за Вычу, она кое-что поняла: эти твари тянутся именно к ней, и, похоже, считают за свою, совершенно непонятно, почему. А значит, пока она их намеренное выискивание приостановит. Но ненадолго. По-

нять бы, что они и откуда взялись, проанализировать силу и поведение, и можно снова в бой.

За много лет “топтания земли”, как удачно заметил Выча, она успела изрядно заскучать. Возможно, прозвучит эгоистично, но недавние события как будто снова разбудили в ней азарт и тягу к жизни.

В этот момент зазвонил телефон. Не Стрельцов. Голос в трубке был старческим, дребезжащим, но твёрдым, как морёный дуб.

— Верея? Это Ульяна, с Пятой улицы. У меня к тебе дело. Не по аномалиям твоим, по своему, бабьему. Придёшь?

Ульяна — одна из немногих старух-знахарок в городе, кто помнил ещё свечные заводы и конку. Не ведьма, нет. Сила её была тише, домашнее — в травах, в шепоте над хлебной закваской, в умении договориться с мелкой нечистью, что ютится за печками. Вея уважала её за это молчаливое, многовековое упорство.

Дом Ульяны пах сушеной мятой, печным дымом и покоем. Сама старуха, сморщенная, как печёное яблоко, сидела за столом и с нескрываемой досадой разминала в пальцах комков теста.

— Спасибо, что пришла, панночка, — кивнула она, указывая Вее на лавку. — Извини за беспокойство. Да дело вышло, с которым мне одной не совладать. С моим-то стариком беда приключилась.

— С домовым? — уточнила Вея. Для таких, как Ульяна,

«старик» мог быть только один.

— С ним самым, — вздохнула старуха. — Обиделся на меня да и сбежал. И не куда-нибудь, а к соседям молодым. К тем, что с ремонтом своим, с блестящими шкафами да с коробками, что по ночам голосами говорят.

Вея сдержанно кивнула, представляя картину. Типичная история. Но на лице Ульяны читалась не просто досада, а настоящая, глубокая обида.

— А причина? Домовые просто так не уходят.

— Причина... — Ульяна с силой шлёпнула тесто о стол. — Был у меня сундук старый, дубовый. В нём и рушники мои венчальные, и прядь волос первенца, и землицы с могилки матери... Всю жизнь он в красном углу стоял. А эти... эти прогрессивные соседи уговорили меня его на помойку вынести. Говорят, «бабка, зачем тебе этот хлам, место пылит». Я и сдуру послушала... Не знаю, что нашло, бес попутал... А потом в окошко смотрю — тащат, ироды, до хаты своей! А старик-то с тем сундуком, выходит, душой сроднился. Посчитал, что я его прошлое, нашу общую память, предала. Вот и ушёл. Теперь у них порядок идеальный, техника не ломается, а у меня — сквозняк по ногам гуляет да каша пригорает.

Вея напряглась. Чтоб старая знахарка, что больше полувека с тем домовым прожила, да сундук со всеми дорогими скарбами столько хранила, вот так просто взяла и выкинула? Странно.

Скользнула мысль — а не тот ли Эдвард руки-ножница

постарался?² Вдруг он может не только как с Вычей, радикально обрезать суть, но и нарезать что-то мелкое, по чуть-чуть отстраняя от всего, что дорого.

— И что же ты хочешь от меня, Ульяна? Сама бы могла его вернуть, кашей попотчевав.

— Не пойдёт он на мою кашу теперь, — горько покачала головой старуха. — Обида в нём глубокая, как трещина в дереве. Он тебя знает, твою силу уважает. Может, твоим словом, чужим, но весомым, его уговорить удастся. Объяснишь ему, что старуха я глупая, раскаиваюсь... Что без него мне тут одной — как без рук.

Вея смотрела на Ульяну и видела в её глазах человека, потерявшего единственное ценное, что у нее было. Детей-то да мужа Ульяна похоронила, вот и повелась, наверно, на уговоры соседей — чтоб на душе легче стало, и без Стригунов всяких. Не смотреть на сундук, не вспоминать, убрать с глаз долой.

В этот момент из складок её собственной куртки высунулась мохнатая морда Фени.

— Слышь, а ты чего расшумелась? — проворчал он, обращаясь к Ульяне, но его взгляд был полон не ворчливости, а странного понимания. — Мужика своего довела, а теперь чужими руками помощи ждешь?

— Феня, — строго предупредила Вея.

² Герой одноименного фильма, выпущенного в 1990 году режиссером Тимом Бёртоном.

Но Ульяна вместо обиды грустно улыбнулась.

— Везёт тебе, панночка. Твой-то хоть с тобой, на новоселье не ворчит. А мой... мой, видно, совсем отчаялся.

Феня фыркнул, но юркнул обратно в карман, будто смущённый. И Вея поймала себя на мысли, что в этой истории видела отражение чего-то очень личного. Она тоже таскает за собой свой «сундук» — в виде вечно ворчащего, но преданного духа, который был её единственным постоянным спутником сквозь века и переезды. Сейчас он ютился в кармане, цепляясь за веточку из ее веника — с Фомой, домовым Ульяны, он подружился сразу, как они переехали в этот город. Хотел навестить, а тут вот как получилось.

— Хорошо, Ульяна, — сказала Вея, поднимаясь. — Попробую поговорить с твоим стариком. А тесто ты брось. Извести соседей не изведешь, только себе хуже сделаешь.

Ульяна стыдливо откинула от себя импровизированную куклу вуду.

Вея стояла на пороге соседской квартиры, и её охватывало странное чувство дежавю. Не в смысле обстановки — здесь всё было стерильно, ново и пахло синтетическим «альпийским лугом». Нет. Это чувство возникало каждый раз, когда она входила в пространство, где старый дух пытался прижиться на новой почве. Так было с Феней на первых порах в её каменном доме, так было с банником в её первой городской квартире с газовой колонкой.

Дверь открыла молодая женщина в ярком спортивном ко-

стюме. За её спиной мелькала фигура мужчины, что-то уверенно рассказывающего умной колонке.

— Здравствуйте, — начала Вея, ловя на себе лучистый, но ничего не значащий взгляд. — Я от Ульяны, вашей соседки.

— А, баба Уля! — лицо женщины озарилось ещё большей улыбкой. — Мы ей тот старый шкаф ещё на прошлой неделе вынесли! Что, опять что-то нужно передвинуть?

«Шкаф», — с горькой усмешкой подумала Вея.

— Нет, — Вея шагнула вперёд, заставляя хозяйку инстинктивно отступить. — Я по другому делу. К вашему новому жильцу.

— К какому ещё жильцу? — женщина нервно обернулась к мужу, который уже подошёл из гостиной. — У нас никто не живёт, кроме нас!

Вея не стала отвечать. Она прошла в гостиную, её взгляд сразу упал на массивный дубовый сундук, стоявший в углу на белоснежном ковре, как чужеродный артефакт.

— Эй, а это что за самодеятельность? — возмутился мужчина. — Вы кто вообще такая? Я сейчас полицию вызову!

— Вызовите, — равнодушно бросила Вея, опускаясь на корточки перед диваном. Она вытащила из кармана маленький горшочек с густой сметаной. — Но сначала вам придётся объяснить, как вещь, выброшенная на помойку, оказалась у вас в гостиной. И почему вы собираетесь её продать, не поставив в известность владелицу.

По лицам пары пробежала виноватая судорога. Их уве-

ренность пошатнулась.

— Мы... мы просто нашли... — начала женщина, но Вея её перебила.

— У вас тут... очень уютно, — произнесла Вея, подбирая слова. — И всё так ладно работает. Нигде не скрипит, не ломается.

— О, да! — рассеяно подтвердил мужчина. — Я же говорил, Людочка, тут какая-то положительная аура! С тех пор как заехали, даже кофеварка перестала капризничать!

«Не аура, а дедушка на побегушках», — тихо поправил его Феня, высунувшись из кармана Вей и с презрением осматривая блестящий пол.

— Старик, — тихо, почти шёпотом, позвала Вея. — Выходи. Поговорить надо.

Воздух в комнате сгустился. Лампочки на умной гирлянде мигнули. Мужчина потянулся за телефоном, но рука его дрогнула.

— Что она делает? — прошептала его жена, вжимаясь в дверной косяк.

Из темноты под диваном медленно выплыла полупрозрачная фигурка.

— Чего пришла? — проскрипел домовый, игнорируя новых хозяев. — Неужто та, что память нашу за гроши продала, подослала?

— Она не продавала, — с укором отрезала Вея. — Там сложно все, не время и не место объяснять. Может, обманули

старуху, а ты, вместо того, чтобы поговорить, сразу в обиду, да уходишь, не попрощавшись.

Домовой фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то вроде сомнения или вины.

— Слова... все слова. А сундук тут. Я столько лет в щелочки его дух впускал, а они... на продажу выставили. Я слышал, как они по телефону говорили.

— Значит, ты точно должен к ней вернуться, — не отступала Вея. — Чтобы помочь ей это исправить. Она одна, старая. А ты — её сила, память. Защитник, в конце концов.

Из кармана донеслось одобрительное кряхтение Фени.

Хозяева перешёптывались у двери, глядя на то, как незнакомка разговаривает с пустотой.

— А тут что? — Вея обвела рукой комнату. — Лучше что ли? Пусто, стерильно. А ты как очередная умная колонка. Или система “умный дом”, — Вея тихо хихикнула.

Домовой потупился. Он провёл ладонью по идеально гладкому ламинату, и под его пальцем на секунду проступил призрак старой, шершавой половицы из дома Ульяны.

— Сундук вернёт? — тихо спросил он.

— Обещает, — сказала Вея. — И будет каждый вечер у порога миску с молоком ставить. Как раньше. Ты же помнишь тот запах? Настоящий дом, не этот... консервный бокс.

Он долго молчал, глядя в пол, а потом наконец вздохнул. Звук, похожий на шелест осенних листьев.

— Ладно, — сдался он. — Уговариваешь. Пойду к стару-

хе.

Когда домовый окончательно растворился в воздухе, с кухни донёлся полный ужаса визг.

— Всё сломалось! Тёрка, наушники... кофеварка дымится!

Мужчина, бледный как полотно, тыкал пальцем в экран телефона, но тот не реагировал.

Вея встала и посмотрела на них тяжелым, полным неодобрения взглядом.

— Ваша «положительная аура», кажется, закончилась, — холодно констатировала она. — И, думаю, надолго. Духи обиды не прощают. А вам теперь есть о чём подумать. Баба Ульяна скоро сама к вам зайдёт, и вам будет очень выгодно вернуть ей сундук. Очень.

Не дожидаясь ответа, она вышла в подъезд, оставив за спиной пару в состоянии, близком к истерике. Теперь они не просто столкнулись с чем-то необъяснимым — они поняли, что эта необъяснимая сила на стороне той, кого они обманули.

В кармане её куртки Феня довольно потирал мохнатые лапки.

— Глядь, панночка, как их потрясло! — радостно бубнил он. — Теперь, поди, до утра отходить будут. Помнишь, как я в первые годы у тебя лампочки щёлками пугал?

Вея провела рукой по шершавой стене подъезда.

— Помню, Феня. Помню. Иногда нужно напомнить лю-

дям, что за их блестящими игрушками скрываются старые, как мир, правила.

Вея вернулась домой со странным настроением. К Ульяне заходить не стала — Фома сам ей все расскажет, а что делать, она и так знает. Не маленькая, разберется. Она усмехнулась: помогать другим хранить их прошлое и восстанавливать справедливость было проще, чем разбираться в собственном.

Рука сама собой потянулась к верхнему ящику кухонного гарнитура, на полках которого стояла начатая бутылка вина. Вея покрутила ей, вглядываясь в густой алый водоворот, и достала кружку. Налила вино, секунда — и кружка запотела, зашла паром. Вея кинула туда кориандр, гвоздику, корицу, пару ложек тертого имбиря и дольку апельсина. Идеальный осенний напиток.

Чашка со стуком опустилась на стол, вторя неожиданной телефонной трели. Вея посмотрела на экран, преодолевая желания не глядя отключить мобильник.

«Вея, привет! Я тут пирогов с капустой напекла, бабушкин рецепт. Не прогонишь, если заскочу? Мне бы твоего мнения по одному амулету...»

Вея глянула на остывающий напиток, вздохнула, и достала вторую чашку.

“Какая я сегодня популярная”

«Не прогоню», — набрала она ответ.

Все же Марта хорошая девушка. Они познакомились че-

тыре года назад, когда старая умирающая ведьма попросила Вею приглядеть за своей внучкой. С Еленой, бабушкой Марты, они были знакомы уже лет шестьдесят. Вея помнила, как Елена рассказывала ей о рождении дочери, и как у самой Вей сжималось от этого сердце в смешанном порыве радости и зависти. Потом родилась Марта. А потом Елены не стало.

Вскоре дом наполнился звонким голосом Марты, запахом сдобного теста и той особой энергией, которую вносят с собой молодые и увлечённые. Они сидели на кухне: Вея с вином, Марта с чаем, а на столе красовался румяный пирог, на который из угла алчно поглядывал Феня. Вея отрезала кусок и поставила на тарелку рядом с собой, домовый шустро забрался на свободный стул.

Марта смотрела на это с немым вопросом. Где это видано — домовый, да за столом хозяйским? Вея понимающе улыбнулась.

— Так что там у тебя с амулетом? — спросила она.

— Ах да! — Марта всплеснула руками, откладывая в сторону кусок пирога. — Чуть не забыла. — Она покосилась на Феню, который, устроившись на стуле, с важным видом уплетал угощение. — В общем, представляешь, я прочитала, что для усиления связи с городом можно использовать энергию коммуникаций. Ну, там, Wi-Fi волны, сотовые сигналы... Чтобы чутье прокачать. Находишься дома, и обо всех событиях в курсе!

Вея медленно поставила кружку на стол, глаза сузились.

Марта же понимает, что вместе с информацией получит и ощущения? Прибьет малую отдачей от заклинания, и пискнуть не успеет.

— Марта. Ты что сделала?

— Ну я... — девушка заерзала на стуле. — Я взяла обычный обережный камень, заряженный на защиту, и... положила его на роутер. В чате одном заговор нашла...

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь довольным чавканьем Фени.

— И? — с ледяным спокойствием спросила Вея.

— И он... — Марта вытащила из кармана небольшой черный камень, обвязанный красной нитью. — Он теперь не защищает, а спамит, — она горько вздохнула.

— Как «спамит»? — Вея почувствовала, как у нее начинает пульсировать висок.

— Не знаю, как объяснить, — Марта сглотнула. — Я как будто весь чужой негатив собираю. Голова болит постоянно, перепады настроения, злость какая-то необъяснимая, тревожность...

— Понятно, — произнесла Вея с обреченным достоинством. — Ты пыталась скрестить лапоть с микросхемой. Энергия городских сетей — это хаос, шум, тысячи чужих мыслей и желаний. И ты по сути свою защиту от оберега натянула на радиус работы твоего роутера, вот он и посылает всю эту метафизическую шелуху тебе.

— Я думала, это будет круто... — пролепетала Марта,

разглядывая злополучный камень.

— Ладно, — Вея отпила глинтвейна, чувствуя, как тёплая волна разливается по телу, смягчая острые углы раздражения. — Придется его основательно чистить. Заваривай себе чай покрепче, сейчас будем откачивать твой «спам-фильтр».

Марта с надеждой ухватилась за эту соломинку. Разговор плавно перетек на другие темы — на сплетни из общего чата, на подготовку к зиме, последние новости. Вея рассказала про домового Ульяны, вроде как в назидание, но Марта возмутилась.

— Столько лет вместе, а он из-за вещи чуть не ушел навсегда!

— Домовые — существа привычки, — пожалала плечами Вея. — Для них вещь — это не предмет, а сосуд памяти. Выбросить сундук — всё равно что вырвать страницу из их собственной биографии.

— Да уж... — Марта покачала головой, а потом её взгляд упал на Феню, который, насытившись, умывался в углу, покошачьи проводя лапой за ухом. — Эх, Вея, вот вам с Феней повезло. Вы же, кажется, всегда вместе. Он ни разу не сбежал? А как вы вообще познакомились? Он же должен был остаться в твоём родовом доме, да?

Феня фыркнул, откладывая в сторону крошки от пирога.

— А кто сказал, что я из её деревни? Я домовой городской. Приличный.

Вея улыбнулась, глядя в свою кружку. Её взгляд стал от-

странённым, словно она разглядывала в густом вине не специи, а призраки прошлого.

— Не было в моей избе домового. Не знаю, почему — у всех порядочных людей был, даже в палатах княжеских, а у меня нет. Мы встретились в голодные двадцатые, — начала она тихо. — Я тогда в городе уже обосновалась, снимала комнату в старом купеческом особняке, который под общежитие приспособили. Революция, атеизм, все дела. Заказов никаких не было, перебивалась чем могла. Холодно, голодно, сыро... и тихо. Слишком тихо. В таких домах всегда есть домовый, а в том — мёртвая тишина. Как в гробу.

Марта замерла, забыв про пирог.

— Хозяйка, бабка одна старая, плакалась, что всё из рук валится, последнюю кастрюлю прожгла. Говорит, раньше домовый был, дед Федот, а как революция грянула, хозяев повыгоняли, он и исчез. Обиделся, видно. А без него дом стремительно разрушался.

— И что ты сделала? — прошептала Марта.

— Что делает ведьма, когда в доме нет духа? — Вея пожала плечами. — Особенно когда ей обещают за это заплатить. Идет его искать. Хозяйка сказала, что последние владельцы, те купцы, бежали в спешке, едва ли не в чём стояли. Я нашла их бывшего кучера, повезло, парень чувствительным оказался, сказал, что видел, как из ворот в ту ночь вышел старичок в рваном зипуне и пропал в переулке. Долго я его искала. Оказалось, он в самом тёмном и грязном подва-

ле на окраине сидел, в бывшей каретнике, и просто... ждал, когда всё кончится.

Вея сделала глоток вина, давая Марте представить эту картину: могущественная ведьма, спускающаяся в затхлый подвал, чтобы найти забившегося в угол духа-хранителя. Феня тоже молчал, даже чавкать перестал.

— Он был похож на выброшенную старую вещь, — голос Вей стал ещё тише. — Почти прозрачный. Я ему говорю: «Дед Федот, дом без тебя умирает. Хочешь назад?» А он на меня посмотрел пустыми глазами и такой: «А к кому назад? Хозяев нет. Дела нет. Незачем».

Феня кивнул, и в его глазах-угольках вспыхнуло старое, позабытое отчаяние.

— Я сказала, что у меня тоже дома своего нет, — Вея перевела взгляд на домового, — И вряд ли будет. Но мест, которым нужен порядок и покой, много. Будем наводить его вместе.

— И он согласился? — не выдержала Марта.

— Согласился? — Вея усмехнулась. — Нет. Сначала он меня обозвал выжившей из ума девицей. Потом сказал, что у него характер скверный и терпеть меня он не станет. А потом... потом он спросил, есть ли у меня что-то от моего прежнего дома.

— И что ты ему дала?

— У меня была иголка из отчего порога. Затупившаяся, ржавая, я ее на веревочке на шее таскала. Дала ему, он подул

на неё... и она превратилась в тот самый веник, с которым он теперь не расстается.: «Ладно, уговорила. Но при первой же твоей глупости сбегу!», — передразнила она его старые слова.

— И ведь не сбежал, — с гордостью проскрипел Феня, поглаживая свою метёлку. — Потому что глупостей этих за сто лет было — хоть отбавляй! Кто-то же должен был за тобой прибираться!

— Подожди, так Федот — это Феня? — удивленно воскликнула Марта.

Тот самый Феня—Федот посмотрел на нее очень красноречиво, и Марта потупилась.

— Имя новое хотел, как символ, но и кардинально менять жалко было, — посмеиваясь, объяснила Вея, — Нашли компромисс.

— Тяжело тебе было? — вдруг спросила Марта, и Вея непонимающе подняла на нее глаза от чашки, — Мне бабушка, конечно, говорила, что ты долго уже живешь, сильная, мудрая, и все такое. Но я как-то... Сложно это представить. Баба Лена то старая, морщинистая была. Она рассказывала про революцию, и веришь ей. Веришь, что она жила тогда, видела все это. А ты... Не вяжется как-то, — девушка неловко улыбнулась, не зная, как донести мысль, но Вея поняла.

От других “знающих” она не скрывала особо ни своего прошлого, ни возраста. Захотела бы — смогла, только зачем?

— Тяжело? — она задумалась, медленно поворачивая

чашку в руках. Её взгляд снова ушёл куда-то вглубь себя. — Не знаю. Представь, что все, кого ты знала, все, с кем росла, смеялся, ссорился... все они стали фотографиями в старом альбоме. Сначала ты перелистываешь страницы и плачешь. Потом — просто перелистываешь. А потом... альбом становится таким толстым и тяжёлым, что ты боишься к нему прикасаться.

Она отпила глинтвейна, и её лицо на мгновение исказила гримаса, в которой было больше усталости, чем горечи.

— Сложно не от того, что время идёт, а от того, что оно накапливается, как пыль на полках. Иногда кажется, что если я чихну, то подниму вихрь из забытых имён и лиц, и он меня просто захлестнёт.

Феня, слушавший молча, тихо хмыкнул.

— А я вот не жалуясь, — проворчал он, но без привычной ехидцы. — Мне проще, я к месту привязан, к дому. А если дома нет — так к венику. А она... — он кивнул на Вею, — она ко всему привязана. И ни к чему. Вот и таскает на себе этот свой... альбом.

Вея поежилась. Она уже и забыла, каково это — вот так открывать перед кем-то душу, признаваться в слабостях.

— А как... — Марта осторожно подбирала слова, — А каково это было... при князе? Я читала летописи, конечно, но... ты же помнишь. Ты там была.

Феня, дожевывавший последние крошки, фыркнул.

— О, при князе! — проворчал он. — Грязи, замечу, было

поболе, чем сейчас. И холоду.

— Тебе то откуда знать? — поморщилась Марта.

— А я, по твоему совсем зеленый? — в ответ возмутился он, — Или у меня бабушек-дедушек не было?

— А были? — удивилась Марта.

Но Вея уже не слышала их. Вопрос Марты бросил её сознание назад, глаза остекленели, комната поплыла, и её голос прозвучал отстранённо, будто доносясь из глубокого колодца.

Стояла поземка, мелкая, колючая, секла лицо, словно песья морда. Небо — низкое, свинцовое, налитое тяжестью грядущего снега. Вея, тогда ещё не Вея, а Вешня, шла по краю села, подоткнув полы свитки, а в горсти зажата была ветвь можжевельца — для окури, от лихомесия ночного.

Из—за угла крайней избы, крытой дранью, на дорогу вывалилась кучка ребятни. Старшой, парнишка лет десяти, с лицом, вымазанным в саже и соплях, тыкал в неё грязным пальцем.

— *Ведьма! Ведьма лесная!* — залихватски кричал он. — *Носу в село не кажи, а то попам сдадим!*

Младшие, семи—восемью лет, подхватывали, дразнясь и показывая кукиши:

— *Ведьма! Ведьма! У—лю—лю!*

Вешня остановилась. Не из страха. Из привычной, горькой усталости. Она глянула на старшого, и взгляд её на миг вспыхнул.

— А тятка твой, Мирон, почётся с пятницы на субботу? — тихо спросила она. Голос был молодой, но уже с той металлической прожилкой, что режет слух. — И щёку свою правую чешет, небось, до крови?

Лицо парнишки вытянулось. Он отступил на шаг. Он — то знал, что батя его вторую неделю в лихорадке бьётся, и знахариха шептала, что это порча. А тут ведьма... да она всё видит.

— Ты... ты... — залепетал он.

— Я, — коротко кивнула Вешня. — А ты, Ванька, беги да матери скажи, пусть на перекрёстке горшок с молочивом ночь проставит. А не то тятка твой до весны не дотянет. Ишь, уж и дух от него пахнет, словно с того света.

Она не ждала благодарности. Прошла мимо онемевшей ватаги, оставив за спиной гробовую тишину. Её дело было не в спасении Мирона. Её дело было — чтобы не мешали. Чтобы боялись на расстоянии, а не кидались камнями. Страх был её единственной защитой.

На краю села, у развилки, где старая берёза склонилась над дорогой, её ждал дед Степан, отец Миронов. Старик, высохший, как гриб — дождевик, в выцветшей шапке и лаптях. В руках он сжимал тот самый глиняный горшок, завёрнутый в тряпицу.

Увидев её, он не перекрестился, не отпрянул. Лицо его было серым от бессонницы и горя.

— Внученька... — просипел он, и в голосе его не было

страха, только отчаяние. — Принял... Сделай, как знаешь... Молви, чего за труды...

Вешня молча взяла у него горшок. Внутри плескалось парное молоко, пахнущее дымком и теплом хлеба.

— Ничего не надобно, дедко, — сказала она, уже отходя к берёзе. — Ступай. Да смотри, чтобы до петухов никто не смел на перекрёсток глаз катить.

Она поставила горшок в развилку корней, обошла берёзу трижды посолонь, шепча старые слова, что круче и старше любой поповской молитвы. Воздух звенел, иней на ветвях трещал. Она была здесь проводником, шептуньей, тем, кто знает цену и жизни, и смерти. Одинокая. Всегда одна.

Вея моргнула. Комната, Марта, пирог... Всё вернулось на свои места. Она была снова здесь. Веку спустя.

— По-разному было, — её голос был хриплым, будто она на самом деле только что вернулась с того зимнего ветра. — Кто уважал да помощи просил, кто камни бросал. Людская суть неизменна, Марта. Что тогда, что сейчас — люди остаются заложниками своих страхов перед неизвестным.

Марта сидела, заморожённая, с открытым ртом. Таких историй в летописях не пишут.

— А почему Вешня? — тихо спросила она, — Ты имя сменила, чтобы звучало привычней?

— Нет, не меняла, — ответила Вея и нахмурилась, её пальцы замерли на ободке кружки. — Меня Вешней сельские назвали, за то, что по весне родилась, когда первые ру-

чьи побежали. А Верей... — она замолчала, и в её глазах промелькнула та самая знакомая пустота, будто она вновь пыталась разглядеть что-то в густом тумане. — Верей... кто-то... назвал. Не помню.

Она обвела пальцем ободок холодной пустой кружки. Это имя, это ласковое, певучее «Верей»... оно звучало не как деревенское прозвище. Оно звучало как обращение. Как имя, данное одним человеком — другому. Тому, с кем говорили наедине. Тому, кого любили.

И это осознание ударило прямо в грудь. Кто ее так назвал? Не Пряха точно, но кто тогда мог взять на себя смелость крестить ее новым именем? И кому она могла это позволить, принять, и использовать до сих пор? Почему она раньше об этом не задумывалась?

Феня, сидевший на своём стуле, перестал жевать. Его мохнатая морда выразила нечто сложное, не то вину, не то смущение.

— Имена... — вдруг проскрипел он, заставляя обеих женщин вздрогнуть. Его голос был тихим и лишённым привычного ворчания. — Они не с неба падают. Их даруют. Чаще всего — те, кому ты небезразличен. Чтобы привязать к себе, или... чтобы отпустить с частичкой себя.

Он не смотрел на Вею. Уставился в стену, рассматривая что-то, видимое только ему одному.

— А когда дарящий уходит... имя становится как чужой тулуп. И носить его холодно, и скинуть — себя потерять.

Вея резко встала из-за стола.

— Марта, извини, у меня дел еще много... Было очень приятно пообщаться, правда, надо будет повторить, — она не лукавила. После этого разговора, казалось бы, тяжелого и гнетущего, на душе стало легче.

Девушка понимающе кивнула и, попрощавшись, выпорхнула за дверь.

А Вея стала перерывать шкафы и сундуки. Что-то в словах Фени, с невозмутимым видом убиравшем со стола, заставило ее напрячься. Тулуп, тулуп... Почему она не помнит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.